

Кассиана святитель Николай Сербский

Глава 1. Горбатая Юлия

Соловьи уже совершили свое всенощное славословие Творцу, когда огромное солнце начало всходить на востоке. Громадное солнце, божество всех языческих религий, появилось, подобно большому медному кругу, из-за Куянджи махалы (квартал ремесленников, медников и серебрянников), чтобы своим чередом продолжить этот гимн Богу.

Но если ты, прекрасное солнце Божие, думаешь, что ты ранее всех поднялось в Сараево, то ты ошибаешься. Еще ранее тебя отец Каллистрат прославлял своего Творца, стоя перед иконами и читая причастные молитвы перед Литургией. Он еще не закончил чтения, как кто-то ударил кольцом в ворота.

Привыкнув, по монастырскому обычаю, что посетитель перед воротами произносит: «Господи, Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас», он подождал, надеясь услышать эти слова, чтобы ответить «Аминь». Но когда стук продолжился, он спросил:

– Кто это?

– Я, святой отче, открой мне. Какой-то женский голос. Каллистрат перекрестился и отворил ворота.

Перед ним стояло некое женское существо, маленькое и горбатое, страшно горбатое. Молодая женщина, богато одетая, повязанная пестрым платком. Но горб, горб был всего заметнее на ней, как будто горб носил ее, а не она горб.

– Доброе утро, отче. Простите, что так рано вас беспокою, но это необходимо.

Подойдя и небрежно поцеловав руку духовника, она продолжала:

– Сегодня, после святой службы вы будете венчать одну пару, не правда ли?

– Да, – ответил священник. – Я еще не видел их, но мне сказано было их обвенчать.

Тогда молодая женщина вынула из-под одежды пистолет, показала его духовнику и выкрикнула:

– Я пришла сказать вам, что когда вы будете венчать их перед алтарем, я убью жениха. Он обручен со мной, а венчается сегодня с другой. Не удивляйтесь. Горбатая и уродливая Юлия совершит это, хотя бы и ее жизнь после того прекратилась.

– Но, дочь моя, – начал Каллистрат, – это храм, венчание назначено, и в церкви уже было три оглашения, а митрополит дал распоряжение, чтобы

я приехал из Милешево и заменил больного приходского священника. Я ничего не знал о препятствиях. Почему ты раньше не протестовала, когда священник спрашивал в церкви, имеет ли кто что-нибудь против этого брака?

Женщина ответила с яростью:

– Напрасны мои протесты. Двое меня обманули, и я протестовала безуспешно. Это третий. Теперь я буду протестовать не женскими речами и слезами, а вот этим пистолетом.

И глаза ее засверкали, как у львицы.

Смущенный и взволнованный милешевский монах растерялся, но, собравшись с мыслями, сказал:

– Сядь, дочь моя золотая, сядь сюда и расскажи мне свою историю.

Девушка порывисто села на диван и начала рассказывать:

– Долгая повесть жизни моей, но я кратко расскажу ее. Мои родители умерли, и все свое имение оставили мне. Это большое имение: земля, лес, дома, и магазины, и деньги. Но на что мне все это, когда я так горбата, как никто на свете! Более похожа на верблюда, чем на человеческое существо.

Тут девушка всхлипнула, но сдержала слезы и продолжила:

– Зная, как я горбата и уродлива, я было уже примирилась со своей горькой судьбой и решила никогда не выходить замуж, даже если бы и нашелся кто-то, кто предложил мне это. Но нашелся один человек-изверг, который скрестил свой путь с моим. Он работал в торговле у моего отца, а отец прогнал его из-за пьянства. Начал он говорить мне ласковые слова, как будто какой-то красавице. О, какое у тебя ангельское лицо! Как дивны твои голубые очи, как два Божиих неба! Как нежны твои руки, как весенние тюльпаны! Как густа твоя русая коса! И подобные этому глупые ласки без конца, и так день за днем.

Старый монах внимательно посмотрел в лицо девушки и согласился с тем, что ее неверный жених несколько не преувеличивал, говоря о красоте ее лица. Но страшный горб портил все и был похож на сучковатое дерево, из которого, как из кривой рамы, сияло ее лицо.

– Знала я, что это только ласковые слова, но они льстили мне. Всем же хочется ласки, и людям точно так же, как и лошадям, и псам. А особенно мне, отвергнутой, уродливой сиротине. И когда он посватался за меня, я согласилась. От того времени, в течение трех месяцев, я давала ему деньги, когда он просил и когда не просил. Внезапно он исчез из Сараево. Потом я услышала, что он женился где-то в Австрии на какой-то разведенной. Пусть это не будет ему на счастье... Вторым был один студент-медик из Бока Которска, которого я содержала до того времени,

пока он не стал врачом.

Я проводила лето в Приморье и часто приезжала домой к его родителям возле Херцега Нового. Им я также много помогала: дом поправила, долги отдала, скотину купила и сделала много подарков. Когда он закончил учебу, решили мы обвенчаться в одном знаменитом сербском монастыре Савина. В назначенный день я пришла в церковь вместе с няней, старой прислужницей нашей, которая жила в нашем доме еще до моего рождения и заменила мне мою покойную мать. Но, увы, мы-то пришли, а он не пришел! Священник распросил людей и узнал, что в прошлую ночь он отъехал неизвестно куда, а родителям велел в церковь не приходить. «Такого еще в этом монастыре не случалось!», – воскликнул духовник, закрыл лицо руками и в великом смущении удалился от нас. А я три дня проплакала на плече моей милой няни, покуда не выплакала и последней слезы из моего сердца. (Когда Павле Сарайлия читал эту повесть о бокешевском враче, доктор Сумрак закрыл голову руками и громко всхлипнул, но присутствующие приписали это его жалостливому сердцу).

– Вы торопитесь, отче? – спросила девушка.

– Нет, нет. Я внимательно слушаю, – ответил отец Каллистрат. – До Литургии у нас еще целых два часа.

– Спасибо вам, сейчас я закончу. После этих двух печальных случаев я стала ненавидеть всех мужчин как обманщиков и лицемеров. И я дала няне слово, что больше не подумаю о браке, даже если совершится чудо и царский сын посватается за меня. Но, к несчастью, случилось еще одно искушение, я поверила и третьему. Сосед, хозяйский сын, с которым я вместе росла и ходила в церковную школу, начал за мною ухаживать. Я его решительно отвергла вначале. Знала его хорошо. Все Сараево его знало. Он больше любил дружить с турками, чем с сербами. Ибрагим, сын хаджи (мусульманский священник) из мечети Бега (большая мечеть в Сараево), был его наилучшим другом в пьянстве и в карточных играх. Эти двое были побратимы, да еще и зареклись, что один у другого будет главным сватом на свадьбе. Когда случался какой-нибудь скандал в Сараево, всем было ясно, что здесь замешаны Буле и Ибрагим. Их соединяли трактиры и разгул, а не крест и не полумесяц. Я его, отче, решительно отвергла. Знала, что он мошенник и картежник. Он и сам говорил, что мог бы за ночь проиграть все Сараево и две деревни впридачу. Чувствовала я, что он меня не любит, но сама сильно влюбилась в него. Ночи он проводил за картами. Попросил он, чтобы я переписала на него один магазин. Я сразу это сделала. Он продал магазин и откупился от

тюрьмы. Я была так одурманена, что все имение отдала бы ему, если бы он потребовал. А он и не стеснялся просить всякий день. Наконец-то я поняла, что он обманщик. А сегодня, смотрите, он венчается с другой. Но я даю вам слово, что живым он не снимет венец с головы. Убью его в церкви, чтобы все Сараево содрогнулось, и все соблазнительницы устрешили. Да и чтобы... чтобы этот ваш Бог образумился и не омрачал этот мир, творя мошенников и жуликов.

– Дочь моя, – воскликнул Каллистрат, – ты богохульствуешь. Чем виноват Бог?

– Я больше не верю в существование доброго Бога. Существует только некий злой Бог, который помогает попиранию добра и процветанию зла. Когда-то я всем сердцем верила в доброго Бога и молилась, и пела в церковном хоре. Но человеческая неправда отвратила меня и от Церкви, и от Бога. Потому сегодня я хочу призвать к ответу этого Бога правды, и совершить праведную месть, и в вашей церкви пролить нечистую кровь этого обманщика. Я хочу отомстить и за себя, горбатую Юлию, и за всех горбатых девушек, чье горе усугубляют бессовестные люди.

– Умолкни и не богохульствуй более! – воскликнул духовник. – Существует добрый Бог правды, в которого ты истинно веровала, как и твои родители, доколе не попала в сатанинские сети. Существует Бог, но существует и сатана, противник Божий. Бог дал людям свободу, что бы следовать либо за Ним, либо за Его противником. Благой, праведный Бог не виновен в том, что твои женихи впряглись в сатанинский ярм, ни в том, что ты легкомысленно водила с ними дружбу и влюблялась в них. Ты же покайся за богохульные речи, которые произносила в святой день, передо мною, старым слугой Божиим.

– Не покаюсь и не откажусь. Сегодня я хочу быть богом над жизнью этого злодея и – моей. Простите меня, отче, за беспокойство.

Она поклонилась и вышла.

Каллистрат быстро написал записку и послал молодым, что не сможет их сегодня венчать. Юлия об этом ничего не знала.

Глава 2. Каллистрат

Когда клепала¹ христианских церквей пробили вечерню (при турках нельзя было открыто звонить в колокола), а хаджи с минаретов прокричали актам², старец Каллистрат поспешил в старую сербскую церковь. Распутный город Сараево шел тогда играть и веселиться. И так будет продолжаться для отцов до полуночи, а для сыновей – до зари.

Для отца Каллистрата все это значило не более, чем стрекотание сверчков или уханье совы в ночи, – все эти городские игры и веселье. Он не одобрял и не осуждал такой жизни. «Существует два жизненных пути, – говорил он, – один путь мирской, а другой – монашеский. Те, которые идут мирским путем, не давали обетов в том, что они пойдут этим путем до смерти, а монахи дали обет идти предписанным монашеским путем до смерти. Потому мирские люди, когда испытывают разочарования на этом скользком пути, могут покаяться и выйти на лучшую дорогу, ведущую в жизнь вечную. Монахи же не могут испытывать разочарований или менять свой путь. Они могут только падать и вставать, снова падать и опять подниматься на этом пути». Так он думал, так и говорил.

Для него не существовало ни Сараево, ни Стамбула, ни земного Иерусалима, ни целого мира. Он носил в себе свой мир, бесконечно удаленный от мира сего, и свою музыку, неслышимую симфонию ангельских существ. Уже пятьдесят лет он подвизался в Милешево. По утрам и вечерам кадил он перед иконами и фресками святителей, постников, мучеников и ангелов Божиих. И они стали для него ближе, чем живые люди, с которыми он общался как с тенями. Для него реальностью было то, что изображалось на иконах и фресках, а символичным и обманчивым, как тень, то, что в виде плоти и крови, замотанное в одежды, двигалось около него, или входило и выходило из церкви. Умерших он почитал истинными своими друзьями, живых – относительными. Но зато любовь его к живым людям была безгранична – ради Христа и ради жизни вечной. Всякий раз, входя в алтарь, он останавливался перед огромной фреской Святого Саввы и задумывался. О чем он думал? «Вот, – как бы говорил он, – ты, святой отче, в твои семнадцать лет оставил этот суетный мир и прилепился к Тому, Который сотворил нас по любви, и с любовью ожидает нашего обращения. А я пришел в двадцать семь лет. Ты – как князь, а я как простолюдин. Помоги мне, чтобы в Небесном Царстве моя глава поместилась близ твоих ног».

Между тем, хотя Каллистрат и происходил из простой семьи

ремесленника, он вовсе не был человеком простым. Отец его был портным в Съенице, а сам он закончил семинарию и высшую богословскую школу в Афинах. Он говорил по-гречески так же свободно, как по-сербски. Дважды ему предлагали архиерейский сан, но он вежливо отказывался. И за это он был еще более почитаем не только в Полимле, но и в Герцеговине, и в Боснии. Его чтили как чудотворца и христиане, и даже мусульмане, ибо многие больные исцелялись, а безумные приходили в разум по его молитвам. Епископы ездили к нему на исповедь. Как-то один епископ его спросил: «Что важнее всего для священника?» Он ответил: «Важнее всего общаться, прежде всего, с Царем, потом с царскими придворными вельможами, а затем уже с царскими слугами». Царем же он называл Христа, царскими придворными – святых, а царскими слугами – людей этого мира. Ибо, говорил он, те, которые общаются только со слугами, не взирая на Царя, вызывают Его гнев.

Старца Каллистрата нисколько не интересовало ни Сараево, ни какой бы то ни было другой человеческий муравейник. Лишь послушание своему архиерею привело его в Сараево. Но приходское служение он совершал с горячей ревностью и служил не людям, а Богу. Несмотря на то, что духом пребывал он в заоблачных высотах, с этих высот он легче проникал в людей и обстоятельства, легче понимал человеческие нужды и правильное лечил их. Случай с горбатой Юлией не смутил его, но опечалил и навел на глубокие размышления.

Кто может понять ход мысли истинного монаха? Это не мысли мирянина, которые, подобно бабочке, перелетают с предмета на предмет, с образа на образ, с одного ощущения на другое. Нет, не таковы мысли истинного монаха. Они много проще. Начиная думать о земном, он сразу поднимает мысленный взор к небесному миру, чтобы через этот небесный бинокль глядеть на землю, и небесным фонарем освещать людей и события на земле. Иначе говоря, он не может и помыслить без молитвы. Не может монах в размышлениях о характерах людей и о присходящем среди людей не соединить в единую мысль небесное и земное. Поэтому все монашеские размышления – молитвенные размышления – небесно-земные. Такими мыслями были и мысли милешевского старца-монаха.

После долгих размышлений о случае с горбатой Юлией он сказал вслух:

– Нет, нет, своими силами я не смогу помочь ей. Хуже всего то, что она потеряла веру, и даже стала цинично хулить Бога. Если она не осознает этого, но как безбожница убьет этого несчастного, а потом и себя, то этим она еще может спасти его от ада, но себя погубит навеки.

Здесь я не могу помочь ей, но только Ты, всевышний Боже.

Сказав это, старец взял Псалтирь и начал читать. После всякой кафизмы – а Псалтирь поделена на двадцать кафизм – он опускался на колени и произносил свои молитвы исключительно «за рабу Божию, грешную Иулиану». Молитвы эти изливались из самого старческого сердца и орошались слезами. После первой кафизмы он вознес Богу следующую молитву:

– Господи, великий и страшный, наказующий и милующий, дабы этим наказанием или помилованием спасти людей, спаси грешную рабу Твою Иулиану. Отгони от нее сатану, который омрачил ее ум в отношении Тебя, Того, Которого благословляет все ангельское воинство. Ибо не может чистый и здравый ум отрицать или хулить Тебя, но только омраченный. Даже великое солнце покрывается мраком, когда месяц встает между ним и землею. Так и мрачный сатана встал между ее душой и Тобою, и душа ее находится во мраке, в котором она Тебя не видит. Щедрый, милостивый, многомилостивый, долготерпеливый Господи, смилуйся над рабой Твоей Иулианой. Просвети ум ее, умири сердце ее. Озари ее Духом Твоим Святым, дабы в покаянии познала она и прославила Тебя, единого истинного Бога и Спаса нашего... Такие и подобные молитвы возносил старый духовник за Иулиану после всякой кафизмы. Завершив чтение Псалтири, он прочел еще и покаянный канон Пресвятой Деве Богородице.

Сараевские петухи на многочисленных огородах пропели зарю, когда усталый молитвенник опустился на постель.

Глава 3. Дни и перемены

Горбатая Юлия не знала, что Каллистрат отложил венчание. Она пришла на Литургию и заняла место возле правого клироса, поскольку знала, что на венчании жених стоит перед алтарем с правой стороны от невесты. В правой руке, под одеждой, она держала пистолет. Она ни разу не перекрестилась. Лицо ее было мертвенно-бледным. Отец Каллистрат все это заметил. Только по окончании службы девушка узнала, что венчание отложено. От нервного напряжения Юлия сильно изнемогла и, поддерживаемая няней, едва добралась до выхода из церкви. Сознание у нее помутилось, и как только ее привезли домой, она рухнула в постель.

Каллистрат теперь был уверен, что Юлия на самом деле способна совершить злодеяние в церкви. Потому он призвал меня, Иова Сарайлию, чтобы я с утра сходил к этому несчастному Вулу и передал ему, что Каллистрат не может венчать его в сараевском храме ни в следующее воскресенье, ни в какое другое время. Но если он решил венчаться, то чтобы венчался где-либо в другом месте, и чтобы об этом не знали в городе, а особенно, чтобы об этом не знала Юлия. Так он мне сказал, и я пошел, и передал все Вулу. Услышавши это известие, несчастный закричал:

– Я перейду в католическую церковь. Я могу перейти и в ислам. Мне все равно. Никто не может насильно навязать мне отвратительную горбатую Юлию. Она – одногорбый верблюд, а если я женюсь на ней, то стану двугорбым верблюдом.

– Как вам не стыдно, молодой человек! Бог слышит и оплатит за это, – сказал я ему и возвратился домой.

Несколько ночей Юлия не могла заснуть. Нервы ее разыгрались и прогоняли сон. Из-за этого по ночам она подолгу задерживала няню и просила о чем-нибудь рассказать. Няня садилась на край ее постели и вспоминала о старом добром времени, когда простое данное слово значило больше, чем письменное обещание, и когда человек человеку давал в долг под честное слово до четырех сотен дукатов, и когда не знали об изменах в браке, или о разводе, и когда жены рожали по двенадцать детей.

Тут Юлия ее прервала:

– Ах, няня, няня, как бы я хотела иметь детей. Только из-за детей я решалась на брак. Людей я презираю, но детей несказанно люблю. Дети, няня, дети, дети! Что может быть лучше детей, и особенно множества детей? Не просто как один цветок, но как целый букет цветов? Ох, няня,

няня! А что ты думаешь о Каллистрате?

– Думаю, золотко мое, что он святой человек.

– Ох, святой человек! Лицемер, как и все другие.

– Нет, золотко мое, нет, овечка моя, он не как другие. Он живет беднее любого сараевского ремесленника, а всех нас обогащает духом и истиной. А когда он служит в церкви, я сама это видела и другие тоже, лицо его сияет как солнце. И турки его почитают, и зовут Баба-Калуджер³, а мусульманки идут к нему, чтобы он помолился об их больных детях. Вот каков наш духовник, голубка моя.

– Оставь, няня, эти глупости, и иди, иди теперь спать.

Боже, как сложно всякое человеческое существо! Несмотря на то, что Юлия и произносила слова, хулящие Бога и Его слугу, в глубине души ее таилась некая сила, которая противоречила ее словам. Всякий день она посылала няню к отцу Каллистрату, прося его прийти. И в течение недели старец трижды нашел время, чтобы откликнуться на ее зов.

– Спасибо вам, отче, что на прошлой неделе вы не обвенчали этого изверга. Но вы будете венчать его в следующее воскресенье. Знайте, что на этот раз вы все же увидите две смерти перед алтарем. Я не поколебалась в своем намерении. Убью его, убью и себя.

Старец ужаснулся в душе; он как будто услышал голос демона из ада. Потом он сказал:

– Ты не убьешь его ни в следующее воскресенье, ни в какой другой воскресный день, потому что я не буду венчать его в Сараево. Будь спокойна и брось пистолет в реку Миляцку. Есть некто больший тебя и меня, Который судит, и Который и его будет судить.

Бог не судит из мести, как ты этого хочешь, но по правде и по любви, по одной только высшей правде и любви.

– Что это за высшая любовь? Разве не одна и та же любовь везде и всюду, телесная и страстная? Хотела бы я услышать об этом, – насмешливо сказала девушка.

– Дочь моя, нельзя говорить о высшей или небесной любви с тем, кто потерял веру в Бога. Когда к тебе возвратится прежняя вера в Бога, только тогда ты будешь способна слышать и познавать эту высшую божественную любовь, которая не зависит от телесной красоты или от уродства. Ибо вера – это корень, из которого растет и тянется ввысь стебель надежды, и на котором сияют золотые плоды любви.

Когда старец пришел к ним в другой раз, Юлия много плакала перед ним и роптала на Бога, Который сотворил ее такой уродливой. На это старец ответил ей:

– Поверь, дочь моя, что Бог сотворил тебя такой по превеликой любви к тебе. Чего бы ты больше хотела иметь: горбатую спину или слепые глаза?

– Ох, слепота, это страшно!

– Несомненно, слепота более тяжкий недуг. Я же на своем веку видел сотни слепых, но среди них не было ни одного неверующего. Напротив, все они имели в своих сердцах живую веру, а некоторые из них, играя на гуслях, прославляли Бога, подобно великим священникам. Твой недуг много меньше, а ты все-таки ропщешь на Бога. Чего бы ты хотела? Чтобы Бог сотворил тебя красивой, как русалка, или еще более богатой, чем ты есть? Могу сказать тебе, что я редко видел, слышал или читал о какой-либо красавице, которая бы свою телесную красоту не употребила на погибель своей души.

В следующее воскресенье Юлия опять пришла в церковь с пистолетом. Она не поверила словам отца Каллистрата о том, что венчания не будет. Но ожидаемого не произошло, и она вернулась с няней домой.

Но в тот же день, однако, случилось нечто ужасное. В это же воскресенье обманщик Буле венчался в одной сельской церкви под Сараево. И когда молодые возвращались в город, то кто-то пистолетным выстрелом из засады убил жениха, а невеста исчезла. Она пропала, будто сквозь землю провалилась. Точно не было известно, кто убил жениха и похитил невесту. Но все Сараево называло одно имя: Хаджин Ибрагим. В то время в Боснии ждать правосудия от турков было бессмысленно, поэтому никто не осмелился подать жалобу или обыскать гарем Ибрагима.

Я первым пришел сообщить об этом отцу Каллистрату. Он встал перед иконой и, помолчав немного, произнес: «Бог да простит его душу!» А когда я сказал ему, что пойду скорее рассказать Юлии о том, как явила себя правда Божия, он окинул меня острым взглядом:

– Иди и скажи ей, Йово, пусть она не радуется. Пусть она отнесет свой пистолет на рынок, продаст его, а на вырученные деньги купит свечу и поставит ее в церкви о душе покойника.

Услышав от меня эту новость, Юлия вскочила и радостно захлопала в ладоши. Но когда я передал ей поручение отца Каллистрата, она села и глубоко задумалась, потом подошла ко мне и сказала:

– Бог сделал Свое дело, а мне теперь нужно исполнить то, что заповедал старец.

И она отослала свой пистолет на рынок, а на вырученные деньги поставила свечу за упокой души Вула.

Еще несколько раз после того няня заходила к отцу Каллистрату и приглашала его посетить их, но старец больше не пришел. Услышав же, что он скоро уедет в Милешево, они сами пришли к нему.

– Мы пришли, святой отче, – сказала няня, – чтобы ты благословил нас прежде, чем уедешь. Ты так намучился с нами.

На это духовник ответил ей: «Тебя я благословлю, а Юлию не могу сейчас благословить. Но и ее я благословлю, когда она слезами загладит те слова, которыми она хулила Бога, и то злодеяние, которое хотела сотворить перед алтарем».

Обе начали плакать, а Юлия закрыла лицо руками и сквозь плач и рыдание прерывисто проговорила:

– Прости меня, отче, спаситель мой. Ты помешал мне совершить зло посреди храма Божиего, и не дал посрамить сербский народ и христианство перед турками, и... и... перед моими покойными родителями.

И говоря так, она упала к ногам духовника. Он поднял ее и сказал:

– Чадо, Бог твой Спаситель, а не я. Будь Ему благодарна и продолжай каяться. И все тебе простится. И будешь ты благословенна, и Богу угодна, и прославлена. А теперь идите с миром.

Глава 4. Кассиана

Тяжела буря на море, тяжела она и в душе. Но ни море, ни душа не очищаются без бури.

Гонимая душевной бурей, горбатая Юлия в один из дней приехала с няней в монастырь Милешево. Это было летом перед началом Успенского поста.

– Приехали мы к тебе, святой отче, – сказала няня. – Пусто нам в Сараево без тебя. Ты связал словом мою Юлию, разреши ее теперь по Евангелию.

Старец Каллистрат принял их по-отечески тепло и определил им место в монастырской гостинице, с женщинами, пришедшими на поклонение гробу Святого Саввы. Среди них были болящие и те, кто принес в монастырь своих больных детей. Пришли они сюда просить молитв об исцелении. А кое-кто пришел в монастырь с дарами благодарности за то, что получил от Бога просимое или исцелился по молитвам. Были здесь и девушки, которые по старому доброму обычаю ради благословения дали обет послужить Богу и Святому Савве несколько месяцев до венчания. Эти девушки трудились в монастыре, как пчелы: мыли церковь, копали огород, пасли овец и коров, кормили птиц, скотину, убирали помещения, шили, вязали, ткали, готовили еду. Глядя на них, няня и Юлия поспешили присоединиться к этим труженицам, но отец Каллистрат по-доброму остановил их:

– Вам не надо работать. Отдыхайте. Большинство этих женщин и девушек из деревни, они приучены к тяжелой работе. А для вас достаточно того, что вы поститесь и ходите в церковь. По вечерам разговаривайте с ними. От них многому может научиться и ученый человек. В их душах есть святость.

Этот последний совет Юлия приняла к сердцу, начала вступать в разговоры с этими простыми женщинами. Она приходила к ним, стыдясь своего горба, так как чувствовала, что они жалеют ее. Это сознание жгло ее. Но действительно, она многому научилась от них, особенно искренней вере и страху Божию.

Поначалу она говорила няне:

– Няня, милая, я нигде не нахожу себе места: ни в монастыре, ни в миру.

Но постепенно буря в ее душе стихала. После службы на Успение она сказала няне:

– Милая няня, я больше хочу жить в Милешево, чем в Сараево.

Они обе хотели причаститься на великий Богородичный праздник. Но отец Каллистрат сказал им:

– Няня может причаститься, а ты, Юлия, дочь моя, должна поститься с покаянием шесть недель. Это для тебя благая епитимия. Ты знаешь за что.

Юлия покраснела и ничего не ответила, а няня сразу проговорила:

– Мы будем вместе поститься шесть недель, святой отче, и вместе причастимся. Как я могу оставить Юлию одну поститься?

– Она бы не одна постилась, не одна. Есть еще кое-кто, кто составит ей компанию, – сказал старец, благодушно смеясь.

Ибо старец Каллистрат постился постоянно.

С этого времени открылся у Юлии покаянный плач. Она много плакала, особенно по ночам. После Успения народ разъехался по домам, в монастыре остались только девушки-труженицы и больные.

В один из дней Юлия позвала няню:

– Пойдем, я тебе что-то покажу. Она подвела ее к могиле с небольшой надписью на плите, обросшей мхом.

– Смотри, что написано на этом камне: «Монахиня Пелагия». Няня, могут ли монахини жить в мужском монастыре?

– Спросим отца Каллистрата, сердце мое.

Каллистрат объяснил им, что во времена турецкого ига постепенно исчезли женские монастыри, которые процветали когда-то во времена сербского царства. Поэтому в некоторых мужских монастырях часто жила какая-нибудь старица-монахиня.

– А разве я не могла бы быть монахиней? Мой горб делает меня старицей.

– Это, чадо, не для всякого. Но только для тех немногих, которые могут вместить. А могут вместить те, которые возненавидели себя ради любви Христовой.

– А я, отче, ненавижу свое тело и презираю его, и испытываю отвращение к нему.

– Это не главное, и этого недостаточно. А главное – это возненавидеть душу свою, по слову Господа: «Кто... не возненавидит... и душу свою, не может быть Моим учеником» (Лк. 14, 26).

Девушка склонила голову и сказала:

– С вашей помощью, отче, я хочу потрудиться, чтобы возненавидеть и душу свою.

Перед Крестовоздвижением няня разболелась. В день праздника

Каллистрат причастил Юлию в церкви, а няню в постели. Наутро няня умерла. Похоронили ее возле храма.

Теперь Юлия почувствовала себя окончательно свободной от мирских привязанностей. Плач ее усилился, так что и глаза ее сделались постоянно красными от слез. После сорокового дня няня явилась Юлии во сне и сказала:

– Ты будешь жить здесь до конца дней. Слушайся отца Каллистрата. Мне хорошо.

Юлия рассказала об этом сне старцу, а он ответил ей:

– На все воля Божия. Но повторяю: в монастыре нельзя сохраниться тому, кто не возненавидит свою ветхую душу и не заменит ее обновленной, исполненной любви Божией.

Перед Рождеством Юлия поручила мне (Йово Сарайлии) продать все ее имение, кроме большого дома, в котором раньше жили ее родители, и где она родилась. Этот дом определила она под детский приют для сербских сирот. Одна часть из полученных денег пошла на этот приют, другая – монастырю Милешево, а третья сербской церкви в Сараево (в которой она хотела совершить злодеяние). Меня она назначила пожизненным попечителем в этих делах с тем, чтобы я мог взять двух или трех сербов себе в помощники. Я все управил согласно ее желанию.

На следующий год после Пасхи приехала Юлия в Сараево. Дом ее был полон малых сирот. Она плакала от радости.

– Бог дал мне то, чего я всегда желала – множество детей.

Вскоре она возвратилась в монастырь.

– Не могу я в городе. Все мне тяжело. Прежде былая «горбатой Юлией», а теперь «горбата» и телом, и душой. Раньше не знала, что я и душой горбата. Отец Каллистрат исцелил мою душу. Прощайте.

Три года провела она в монастыре как послушница. Собрала она детей-сирот из деревни и устроила детский церковный хор. Посещала больных – и сербов, и турок из близлежащих мест Приеполья, помогая и утешая их. Все больше народа стало приходить в монастырь, теперь и из-за нее, а не только ради отца Каллистрата.

Когда исполнилось три года ее жизни в монастыре, старец Каллистрат одел Юлию в монашескую рясу перед гробом Святого Саввы и дал ей имя Кассиана. Юлия была несказанно счастлива, и говорила:

– Это для меня более желанно, чем быть повенчанной с царем.

– Теперь ты обвенчана с Царем, с Царем над царями, – улыбнувшись, сказал ей старец.

На Успение, отслужив Литургию, отец Каллистрат слег в постель. Он

позвал к себе Кассиану и вручил ей рукопись со словами:

– Это все, что я хочу оставить тебе. Все то, о чем я говорил тебе все эти годы, здесь записано, чтобы ты помнила мои слова. Ангел Божий явился мне сегодня за Литургией, чтобы через три дня забрать мою душу. А ты, дочь моя золотая, продолжай трудиться и расти, расти в любви Божией.

Ровно на третий день отец Каллистрат умер. Кассиана зажгла свечу и сама закрыла ему глаза.

Такой великий духовник, как отец Каллистрат, встречается не часто, раз в сто лет. После отца Каллистрата в Милешево были менее искусные духовники. Поэтому народ удвоил свою любовь к матери Кассиане как носительнице той великой благодати веры и любви, которой жил и дышал покойный старец Каллистрат.

Заканчиваю таким напоминанием: в наше время есть три великих вещи в Милешево – как для сербского православного народа, так и для многих мусульман: это гроб Святого Саввы, память об отце Каллистрате и монахиня мать Кассиана.

Слава Богу и Святому Савве. Упокой душу отца Каллистрата. Жизнь и здоровье матери Кассиане. Аминь.

Йово Сарайлия.

– Этим, господа, завершается рукопись покойного отца моего Иова Сарайлии, – сказал Павле. – Спасибо вам за внимание, а теперь пойдете отдыхать. Нам предстоит еще целый день пути до святого Милешево.

Глава 5. В монастырских стенах

Наши путники благополучно достигли Милешево. Они строго постились, чтобы причаститься в Великий Четверг (в день, когда было установлено Таинство Святого Причащения), и чтобы с радостью встретить Светлое Воскресение. Регулярно ходили они на все богослужения, поклонялись гробу Святого Саввы, зажигали свечи на могилах отца Каллистрата и монахини Кассианы. Павле проявлял особенное усердие. Он ставил свечи на все могилы возле храма. Могила Кассианы помещалась с южной стороны церкви. Никакого памятника на ней не было. Так она захотела. Могила ее была покрыта кусками мрамора. На одном куске было написано: «Монахиня Кассиана». Мрамор весь почернел от множества свечей, которые ставил народ. На могиле еще лежали цветы, свежие и увядшие, а также ленты, платки, куски холста и разные другие предметы – народные дары, которыми выражалась благодарность и видимым образом усиливалась молитва.

В один из дней, когда наши путники стояли у могилы Кассианы со многими другими богомольцами, которые зажигали свечи и украшали могилу, один старый крестьянин сказал, взглянув на них:

– Святая она, господа, святая. Я ее хорошо помню. Во всяком горе она плакала от жалости, а во всякой радости она плакала от радости. Такую доброту и наши деды не видели.

– Аферим правду говорит! – подтвердил один мусульманин из Приеполья. – Да она много и намучилась. Мучили ее и мусульмане, мучили и христиане. Один наглый каймакам⁴ из Приеполья бросил ее в тюрьму и велел бить ее за то, что некоторые турки благодаря ей обращались в христианскую веру. А потом сербские гайдуки били ее за то, что она ходила по мусульманским домам и помогала турецким сиротам. Все били ее по горбу, и раны эти носила она до смерти.

– Святая душа, дай бы ей Бог, что бы и кости ее заблагоухали на Дженет⁵!

Услышав эти слова, старый доктор Сумрак громко зарыдал. Друзья посмотрели на него и вспомнили, что он также плакал и тогда, когда Павле Сарайлия читал повесть своего отца в монастыре Баньи. Но и теперь, как и тогда, они приписали это его старческой чувствительности.

Павле несколько раз просил монахов поискать записки отца Каллистрата, посвященные Кассиане, о которых говорил его отец. Они искали повсюду: в библиотеке, в кладовых, в мантиях умерших монахов, в

матрасах, в подушках. Но нигде ничего не нашли. Говорили, что об этой рукописи никогда ничего и не слышали. В один из вечеров доктор Сумрак шепнул Павле на ухо:

– Эта рукопись находится под престолом в алтаре.

Удивленный Павле спросил доктора:

– Откуда ты об этом знаешь?

– Я знаю и более того. Покойная Кассиана каждую субботу ее доставала, приносила к себе в келлию и читала на ночь как молитвенник. Утром, в воскресенье, она возвращала рукопись на прежнее место, и делала так со дня смерти Каллистрата до глубокой старости. Если она не взяла ее с собою в могилу, то рукопись – в алтаре, как я сказал.

Это признание еще сильнее удивило Павле. Он призвал игумена, пошел с ним в храм, и игумен тотчас извлек из-под престола кожаный сверток, в котором находилась рукопись. Несказанно обрадованный Павле позвал двух своих друзей, чтобы вместе с игуменом пойти в какую-нибудь келлию и прочитать ее там. Но доктор Сумрак опять-таки шепнул Павле к великому удивлению того, что не может присутствовать при чтении. Ему, сказал он, эти записки хорошо известны, Кассиана давала их ему читать. И он читал рукопись несколько раз. Тогда Павле с игуменом и Марком Кнежевым затворились в келлии и попросили игумена прочесть рукопись, так как благодаря разным монастырским бумагам он был хорошо знаком с почерком отца Каллистрата.

Игумен перекрестился и начал читать. Читал он медленно, и останавливался после всякого изречения, а некоторые параграфы по просьбе присутствующих читал по два раза. Поэтому чтение продолжалось до самой зари.

Глава 6. Сто слов о Божественной любви

По твоей просьбе пишу сие, дочь моя, я, смиренный Каллистрат.

1. Поскольку все вещи во вселенной с их сущностями и действиями есть только символы духовных вещей, точно также и земная любовь. То, что люди на земле именуют любовью, на самом деле лишь слабый символ истинной небесной любви.

2. Все существа можно поделить на сотворенные и нетварные. Бог – несотворен, все остальное сотворено. И любовь – нетварна, нетварна и вечна. Ибо любовь не есть Божественное свойство, но имя Божие – одно из имен Божиих и сущность Божественного бытия. Потому и сказано: «Бог есть любовь» (1Ин.4:8).

3. Сказано еще, что Бог – Истина и Слово. Чудно это славянское слово Истина, которое совершенно точно определяет Того, Который всегда есть. «Я Тот, Который Есмь», короче, Я всегда тот же, неизменен, Сый (Тот, Который есть) в старославянском, «О ОН» в греческом. А Слово или Логос – образ Бога невидимого. И поскольку Истина и Слово вечно в Боге и являются Богом, также точно и Любовь. И как само Слово говорит о Себе: «Я есть альфа и омега, начало и конец» (Откр.1:8), так и Любовь может сказать о Себе: «Я есть альфа и омега».

4. Как любовь Бог открылся роду человеческому в откровении о единстве Святой Троицы, Отца и Сына и Святого Духа – Единого Бога и через воплощение Бога Слова. В Ветхом Завете, а это Завет Закона, Бог как Святая Троица еще только предугадывается; также точно и Любовь еще неприметно и как бы мимоходом поставлена среди многих других заповедей Закона (Втор. 6, 5; Лев. 19, 18). Мир еще не созрел для принятия учения о Святой Троице, следовательно, и о Любви. А эти два понятия – нераздельны. Заповедь о любви, последняя среди заповедей Ветхого Завета, стала первой в Новом Завете.

5. В языческом мире существовала вера в троицу, но не во святую и не в единую. Индусы верили и теперь верят в Тримурти, т. е. в три верховных божества, из которых один, Шива, дьявол и разрушитель того, что создают первые два, Вишну и Брами. В Египте также верили в троичное божество, но как в семью, соединенную плотской любовью Озириса и Изиды, родивших сына Хоруса, которого Озирис убил, из-за чего этот чудовищный брак распался. До Христа люди могли своим умом и энергией создать великие цивилизации по всему миру, но не могли прийти до правильного понятия о Боге как о Святой Троице, соединенной в

единстве, следовательно, и о Боге как о Любви.

6. Ислам, несмотря на то, что он является одной из относительно высших религий, совершенно не терпит учения о Боге как о Святой Троице. В Коране такое понятие высмеивается. На мечети Омара в Иерусалиме высечена на стене такая заповедь: «Правоверные, знайте, что Аллах не имеет Сына». И именно потому, что по этой вере Бог не имеет Сына, в Коране нигде не говорится о любви Божией, но только о правде Божией и милосердии. Несмотря на то, что свои понятия Мухамед почерпнул из Ветхого Завета, он не заметил слов Всевышнего: «Ужели Я, Который отворяет утробы, не могу родить? Ужели Я, Который дарует жизнь, останусь без наследия?» (Ис. 66, 9). И этого не заметили не только Мухамед, но и древние ариане и современные унитарии.

7. Знай и помни, дочь моя: Тайна Святого Троиединства – внутренняя тайна Божественной природы. Эту Свою сокровенную тайну Бог не мог открыть людям ни помимо закона, ни через закон, ни через людей, ни через великих пророков. Он мог только через избранных пророков предвозвещать, довольно ясно и определенно, сошествие на землю и воплощение Сына Своего, через Которого «земля наполнится познанием... Господним, как... море полно воды" (Ис. 11, 9; Аввак. 2, 14). А главное знание, которое принесет Сын, будет знание о Боге как о Святой Троице, одно из имен Которого Любовь.

8. Вечный Отец любит Сына и Духа Святого. Вечный Сын любит Отца и Духа Святого. Вечный Дух любит Отца и Сына. Все это в непостижимом единстве, нераздельном и неслиянном. Все бестелесно и духовно. И так из вечности в вечность, без начала и конца, без перемен, без уменьшений и увеличений, без каких-либо внешних событий, вне времени и пространства.

9. Мыслить Бога без Сына – все равно, что мыслить Бога без Любви. Ибо всякая любовь ищет предмет своей любви. И ты знаешь, дочь моя, что когда кто-то из людей говорит: «Я люблю!», то мы сразу, естественно, спрашиваем: «Кого ты любишь?» Кого бы, следовательно, любил Бог Отец в вечности, прежде сотворения мира, если бы Он не имел Сына как предмет Своей Любви? А это означало бы, что Он не знал Любви и не был Сам Любовью по сущности Своей, прежде чем сотворил мир как предмет Своей Любви. А то, в свою очередь, означало бы, что Бог с сотворением мира приобрел нечто такое, чего Он прежде не имел и через что Он переменялся. Это же бессмысленно, не логично и противоречит Священному Писанию, в котором с Небес засвидетельствовано, что в «Боге нет перемены" (Иак. 1, 17).

10. Кто не верует в рождение Бога Сына от Бога Отца, тот не может вообще называть Бога Отцом. Или если Его так называет, то говорит неправду. Ибо почему Он Отец, если не имеет Сына? В таком случае, «Отец» – это только почетное или уважительное обращение, так дети называют всякого пожилого человека отцом. Если скажет кто-либо: ведь Бог – Отец всех людей, мы сразу можем ответить: Бог – Творец, а не Отец всех людей. Он не родил, но сотворил людей. Если у кузнеца есть рожденные им сыновья и скованные им плуги, не будет ли он делать различие между своими рожденными детьми и своими изделиями? Никто не может, не солгав, называть Бога Отцом, не признав при этом Его в вечности рожденного Сына, Который Один только может претворить сотворенное в рожденное. Апостол Христов ясно говорит: «Всякий отвергающий Сына, не имеет и Отца; а исповедующий Сына имеет и Отца» (1Ин. 2:23, 4:16).

11. Во втором члене нашего «Символа Веры» мы исповедуем нашу веру: «Во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единородного, Иже от Отца рожденного прежде всех век (рожденна, а не сотворенна)». О, как должны мы быть благодарны святым Отцам Церкви, выразившим и утвердившим эту истину. Иначе мы были бы лжецами, если бы говорили об Отце без Сына. Ибо если Отец не имеет Сына, чей бы он был Отец, и почему бы Он назывался Отцом? И все наши слова о Любви были бы только печальной безосновательной песней.

12. Понятие о Боге как Любви объяснимо только через понятие о Боге как Святой Троице. В этом ключ к тайне любви, дочь моя. Постоянно держи это в памяти. И веруй слову великого Исаака Сирина: «Любовь слаще жизни». А я добавлю: и сильнее смерти.

13. Когда мы говорим о любви во Святой Троице, мы постоянно держим в памяти, что Бог есть дух, и любовь в Боге вся духовна. Отец любит Сына так сильно, что Он весь в Сыне и Сын любит Отца так сильно, что весь в Отце, и Дух Святой по любви весь в Отце и Сыне. Это Сын Божий засвидетельствовал словами: «Я во Отце и Отец во Мне» (Ин. 14, 10). И Сын во Святом Духе и Святой Дух в Сыне. В Писании говорится, что по воскресении Христос дунул на апостолов и сказал им «Примите Духа Святого» (Ин. 20, 22). Только то, что имеешь в себе, можешь отдать и другим.

14. Особенность любви, дочь моя, состоит в том, что любящий желает раствориться в возлюбленном. Так горяча любовь Отца к Сыну, что Он хотел бы раствориться и истощить Себя в Сыне. И наоборот. Такова же и любовь Духа Святого к Отцу и Сыну. Но непостижимым образом Каждый

остается тем, что Он есть. Потому и говорится о Святой Троице: «нераздельна – неслитна». Нераздельна, ибо едина по сущности и в любви; неслитна, ибо по ипостасям лична. Триединый пламень естества, жизни и любви. От этого величественного огня божественной любви зажигаем и мы наши малые сырые свечки земной любви, которые дымят, чадят и легко гаснут. А что три Лица не сливаются и не разделяются, то это – действие любви всякого Лица по отношению к двум другим. Ибо всякий из них по любви стремится, чтобы возвеличились и прославились остальные два Лица Святой Троицы. Это видно из слов Сына Божиего: «Отец Мой более Меня есть» (Ин.14:28).

15. Любовь в одном лице – не любовь, а самолюбие и себялюбие. Потому Мухамед и не упоминает о любви в связи с богом-Аллахом, но только о праведности и милосердии. Любовь между двумя людьми охладевает и превращается в печаль. Потому бездетность в Ветхом Завете считалась проклятием. Так это и доныне остается на Балканах, в России и на всем Востоке. Любовь становится полной при появлении третьего. И на земле это так, ибо так это и на небе. Не удивительно, что число три играет такую большую роль во всех творениях Триединого Бога.

16. Любовь не возникла от земли, но пришла с небес. Преподобный Кассиан говорит: «Любовь принадлежит исключительно Богу и тем людям, которые восстановили в себе образ и подобие Божие». Сознательная любовь соотносится с сознательной личностью, не с принципом, идеей или с каким-либо безличным существом, но с личностью. Где нет взаимности в любви, там нет любви. А принцип, или идея, или неразумная тварь, будь то Божественная или человеческая, не может нас любить, сколько бы мы их не любили. О такой любви мы и не говорим; наше слово о любви личности к личности, которая «нераздельна и неслитна».

17. Только совершенная личность, с совершенным сознанием, с совершенным умом, обладающая совершенным могуществом, может иметь совершенную любовь. Эта личность – наш Бог. То, что всякий человек ревнует о своей личности, происходит от того, что и Его Творец – личность. А то, что все люди ценят любовь превыше всего, происходит оттого, что их Творец – Любовь. И так это искони и до сего дня и на веки веков.

18. Низшее всегда доказывается высшим, а не наоборот. И человеческое существование доказывается существованием высших существ, высших по могуществу и разуму, чем люди. Кто-то из европейских философов сказал: «Я мыслю, следовательно, я существую».

И это изречение разнесено по миру как нечто великое. На самом же деле, сколько бы я не мыслил, я не существую, если не существует Некто высший меня, Кто и меня и весь свет измыслил. Если Бог не существует как разум высший меня, тогда, несомненно, и я не существую, но я только некая преходящая вещь, призрак, которого вихри подняли из пыли, придали ему форму на мгновение, чтобы снова сбросить в ту же самую пыль без следа и цели. Точно так же и любовь. Если любовь не в Боге и не от Бога, то это только чувственная страсть, которую люди употребляют как наркотик, чтобы этой малой бессмыслицей услаждать лишенную всякого смысла жизнь.

19. «Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге и Бог в нем» (1Ин. 4, 16). Века и человеческие поколения страстно ожидали услышать эти светоносные и живоносные слова, как ищут везде путеводную звезду, подобную Вифлеемской. А эти слова апостол сам услышал, прочувствовал и повторил в том виде, в каком принял их от Своего Господа. Бог истины и любви есть единый и вечный Бог, Который не соприкасается и не имеет ни чего общего с «богами» лжи и ненависти. Этим откровением Христос сокрушил весь политеистический пантеон, в котором человеческая фантазия ставила добрых и злых богов на один уровень.

20. Нелегко понять, зачем Бог сотворил миры, прежде всего мир бестелесный, ангельский, а потом и физический, телесный, во главе с человеком. Если триединый Бог совершенен и самодостаточен для полноты жизни, любви и славы, зачем Он сотворил миры, низшие Себя? (Мы говорим, ниже Себя, ибо никто не может сотворить что-либо равное себе. Родить – да – Бог Отец родил Сына, равного себе, и человек рождает ребенка, равного Себе по бытию и сущности.) Церковь, и только Церковь дает ответ: от преизобилия любви Своей в Самом Себе Бог сотворил все миры, видимые и невидимые, через Сына Своего едиnorodного, чтобы угодить Сыну Своему. Ради ли того, чтобы доставить удовольствие Сыну, или по некоей необходимости? Мы так не говорим. Богу не нужно удовольствие. Его троичная любовь превосходит всякую радость и всякую сладость веселия. Совершенный и Самодостаточный не имеет потребности ни в чем, ибо Он все имеет в Самом Себе.

21. В бескрайней любви к Своему Отцу Сын хотел угодить Ему, сотворив для Него как можно больше сыновей, а для себя братии, низших себя, но по любви приравненных к Нему через усыновление. И в Вечном Совете Отец и Дух Святой дали согласие Сыну на сотворение мира за любовь Сына. И так через Сына все стало быть, что стало быть, «Имже вся

быша». А Сын Божий назван и Логосом Божиим, или Словом Божиим, т. е. образом Божиим; да Божественной Песнью, Которая являет Собой величество и славу, мудрость и любовь Божию. Кому являет? Новосотворенным мирам (Кол. 1, 15–17).

22. Взявши инициативу в деле творения, Сын принял на Себя и ответственность за сотворение мира перед Вечным Советом, и сверх того, еще изъявил добровольное согласие принести Себя в жертву, если и когда это будет необходимо, как кроткий и пречистый агнец, уготованный в жертву «еще прежде создания мира» (1Пет. 1, 20). И так началась величайшая из всех эпопей: эпопея сотворения мира, его падения, искупления, воскресения и обновления. Все как было сказано и предвозвещено. И все по одной единственной причине – по любви. Ибо Бог есть Любовь, и в Нем нет других побуждений кроме любви, дочь моя боговозлюбленная и боголюбивая.

23. И сотворил Сын Божий бесчисленные небесные воинства архангелов и ангелов, бестелесных и близких к Богу духов. Сотворил их богообразными, могучими и прекрасными. И дал им свободу. Только Бог не злоупотребляет свободой. Один из великих ангелов, Сатанаил, злоупотребил данной ему свободой, и был бесконечно удален от близости к Богу с легионом последователей, и сброшен в ад, во тьму кромешную. Потом Слово Божие, Логос, по Вечному Совету, сотворил человека Адама и жену Еву и поселил их в Раю. Но их прельстил сатана через змия, и они согрешили пред Богом. Бог не захотел простить сатане грех, ибо он согрешил в самой близости к Богу. А человеку Бог хотел простить грех, так как человек был обольщен сатаной. Хотел Бог простить Адама, но не без покаяния и достаточной жертвы. И Сын Божий, Агнец Божий, пошел на заклание ради искупления Адама и его рода. И все из любви и правды. Да, и правды, но правда и заключается в любви.

24. «Любовь Божия к нам открылась в том, что Бог послал в мир едиnorodного Сына Своего, чтобы мы получили жизнь чрез Него. В том любовь, что не мы возлюбили Бога, но Он возлюбил нас и послал Сына Своего в умилоствление за грехи наши» (1Ин. 4, 9–10). Следовательно, сначала Он явил Свою любовь к нам, и потому ждет, чтобы и мы явили Ему свою любовь. Хотим мы или не хотим – от этого зависит вечная награда верности в любви, либо вечная мука за неверность. Ибо во вневременной вечности нет ничего временного, все вечно, как радость, так и мука.

25. В Иисусе Христе, Сыне Своем, Бог показал любовь, «которая превосходит всякий разум». Тот, через Кого Святая Троица сотворила мир,

явился в образе человеческом, дабы явить человечеству любовь Святой Троицы, дотоле неведомую миру. Как же Он явился? Так, как только великая любовь не стыдится явиться ради спасения возлюбленного: в уничижении, в служении, в страдании и, наконец, в великой жертвенности.

26. В повестях и балладах о рыцарях мы читаем, как они за любовь своих избранниц шли на страдания, иной раз и на смерть. Но те избранницы были достойны их любви и жертвы, как о том пишут поэты. А безгрешный и пречистый Христос понес уничижения, муки и страшную смерть не за какую-то невинную, верную и добрую девушку, но за грешников и развратниц, за убийц, лгунов, воров, разбойников, клятвопреступников и безбожников, за испоганенные и смердящие души человеческие, которые источали зловоние в смертельном разложении и прежде смерти были уже мертвы. «Едва ли кто умрет за праведник... но Бог доказывает Свою любовь к нам тем, что Христос умер за нас, когда мы были еще грешниками» (Рим. 5, 6–8). Не есть ли это любовь, которая превышает всякий разум?

27. «Любовь... не ищет своего», – говорит апостол, наученный примером своего Учителя (1Кор. 13:4, 5). Все Свои слова и поступки приписывает Сын Божий Отцу: «Я говорю миру то, что слышал от Отца»; «Сошел с неба не для того, чтобы творить волю Свою, но волю пославшего Меня Отца»; «Как заповедал мне Отец, так творю»; «Да видит мир, как люблю Отца» [Смотри Евангелие от Иоанна]. (О, если бы все сыны человеческие так любили своих родителей!) Итак, Сын отказывается от Своей воли и все приписывает Отцу. Не ищет Он славы Своей, но Отчей. С другой стороны и Отец любит Сына «и все показывает Ему». Отец никого не судит, «но весь суд отдал Сыну». И более того: «Отец любит Сына и все дает в руки Его».

28. В любви Отца и Сына в полной мере участвует и Дух Святой. Духом Святым осуществлено рождение Сына от безмужной Девы Марии. Дух Святой явился в виде голубя при крещении Иисусовом. Исполненный Духа Святого возвратился Иисус с Иордана. Духом Святым Иисус изгонял злых духов из людей. Дух Святой сошел на апостолов в Пятидесятницу. «Бог явился в теле, оправдался Духом» (1Тим. 3:16). «Те, которые ходят в Духе Божиим, суть сыны Божии» (Рим. 8:14). Только «хула на Духа Святого не простится человекам» (Мф. 12, 31). Дух жизни, силы, мудрости, истины, молитвы, мира, радости, утешения вселяется в верных Христовых, как в Свои храмы. Он созидает тело Христово, соединяя верных в одно освященное тело, которое есть Церковь как «столп и

утверждение истины» (1Тим.3:15). И сверх всего «любовь Божия изливалась в сердца наши Духом Святым, данным нам» (Рим. 5, 5).

29. Следовательно, когда мы говорим: «Бог есть любовь», то тем самым мы говорим: Святая Троица есть Любовь. И Отец есть Любовь, и Сын есть Любовь, и Святой Дух есть Любовь, Источник и прообраз любви между ангелами и людьми; источник, который, давая, не иссякает, и принимая в себя, не обогащается.

30. Послушай, дочь моя, эти слова о несказанном мужестве, которое свойственно только любви. По любви Сын Божий уничижился, служил, учил, лечил, питал, поил, направлял и исправлял, радовался, мучился, страдал, прощал и умер. «Сын человеческий пришел не для того, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих» (Мф. 20, 28). Когда Он служит, служит с радостью, когда жертвует, жертвует добровольно, забывая о Себе, но непрестанно взирая на вечный огонь любви на небесах, на эту Двоицу. Для Сына вечной любви это было легко. Легко это и для людей любящих. Поэтому Нил Синайский говорит: «Легко бывает поднять и совершить все то, чем приобретаешь святую любовь. А где нет любви, там нет и успеха». И все бывает тягостно.

31. Любовь это радость, а цена любви – жертва. Любовь – это жизнь, а цена любви – смерть.

32. Те, кто любит земное богатство, власть, славу, немилосердно гонят других людей для того, чтобы они служили их низкой «любви». И готовы в жертву этой своей «любви» принести все и всех. Единственное, чего они боятся – это служить другим и жертвовать собой для других. Князья и вожди обрекали на смерть легионы ради добычи и славы. Это есть дело сатаны-человекоубийцы. Не таков Человеколюбец Господь, не таков. Он спустился с небесного Престола славы, чтобы Своим собственным служением и жертвой явить любовь Божию людям. Христова любовь – пример величайшего мужества. Это то мужество, перед которым трепещут и смерть, и Ад.

33. Поглядим теперь на начало начал, дочь моя. Пока Ева имела в себе любовь Божию, она вся была предана Богу. И любила Бога всем сердцем своим, всею душою, всею мыслию. Пред ее любовью к Богу бледнела любовь к мужу и ко всем красотам Рая. Все, что она любила, любила ради Бога и через Бога, и все видела в свете своей любви ко Творцу. И вся ее душа, воспитанная в добре и облеченная в чистую, целомудренную одежду тела, была исполнена несказанной радостью и наслаждением от любви Божией. В любви к Господу Богу она могла соперничать с херувимами. Никакое желание, кроме стремления быть с Богом, не входило в ее сердце,

не прикасалось к ее уму. Любовью к Богу она жила, дышала и радовалась. Такова была праматерь рода человеческого. Таков был и праотец Адам.

34. Адам и Ева были богами, малыми богами. Подобные ангелам небесным. Не бойся этих громких слов, дочь моя, которые часто повторяются в святых православных книгах. Да, Адам и Ева были богами, это уже в словах Святой Троицы: «Сотворим человека по образу нашему» (Быт.1:26). Об этом позже ясно говорит пророк: «Вы – боги и сыны Божии» (Пс.81,6). Эти слова подтвердил Спаситель мира своими божественными устами: "Вы боги" (Ин.10,34). На основании этого мудрый Максим Исповедник поучает: «Предадимся всецело Господу, дабы принять Его всецело (в себя) и через Него стать богами». Так говорили и многие другие православные богословы.

35. Доколе образ Бога истины и любви сиял в душе Адама и Евы, они, действительно, были богами в той мере, в какой Творец по Своей любви соделывает сотворенное Своим словом божественным. Это же самое подтверждает Христос в ответ на один лукавый вопрос саддукея, сказав, что люди после смерти «в воскресении ни женятся, ни выходят замуж, но пребывают как ангелы Божий на небесах» (Мф. 22, 29–30). Ангелы же называются богами устами Псалмопевца: «Бог стал в сонме богов; среди богов произнес суд» (Пс. 81, 1).

36. Что бы это был за бог, хоть и малый, если бы не имел свободы действия? Только великий и единый вечный Бог не злоупотребляет Своей свободой. Сатана, один из малых богов, употребил свою свободу себе во зло и во зло другим. Также и праотцы рода человеческого. Как только утратили любовь, омрачили ум. С грехом была утрачена и свобода. Останься Ева в любви Божией, она бы с мужем рожала детей «Ни от хотения плоти, ни от желания мужа, но от Бога» (Ин. 1, 13).

37. В роковую минуту боголюбивая Ева подверглась искушению со стороны злоупотребившего свободой. Обманул ее сатана, некогда архангел, а потом – «отец всякой лжи, убийца человеческий» и противник Божий. Он влил в уши жены сладкий яд лжи, сказав ей: если вы съедите от этого запрещенного древа, откроются ваши очи и вы будете как боги. Зная это, Бог вам и запретил, чтобы вы не стали, как Он. А Он не терпит соперников, Он ревнив. Эти слова наполнили слух Евы, помрачилось ее духовное зрение, и ум смутился. С этого момента она поверила клеветнику на Бога, поверила лжи вместо Истины, человекоубийце вместо Человеколюбца. И в то мгновение, когда она поверила красивому змию, притворной лжи, ее душа утратила гармонию, в ней ослабли струны божественной музыки, охладела ее любовь ко Творцу, Богу любви.

38. В мутной воде не разглядеть лица. Не видела Ева Бога в своей замутненной душе. Посмотрела на древо, которое было полно смешанных плодов добра и зла. Посмотрела в свою мутную душу и не увидела больше в ней Бога. Бог оставил ее. Бог и дьявол не могут быть под одним кровом. Жене не на кого было больше положиться, только на сатану и на свои телесные очи. И устремив взор, увидела, что запретный плод хорош для пищи, приятен для глаз и дает знание. Но знание не только о добре, но и о зле! А смешанное вместе добро и зло дают зло. Вместо любви наполнили ее существо три желания: желание телесного наслаждения, стремление к власти и жажда знания. Утратив Бога, она стала искать опору в вещах. Но ту пустоту, которая остается в душе, когда в ней нет Бога, и весь мир не может восполнить.

39. Отлученные от любви Божией, Адам и Ева ощутили страх – всегдашний спутник греха – и увидели, что они наги. Покуда они пребывали в любви Божией, Бог сиял в них как в храмах, и они были настолько чисты, что не обращали внимания на свои тела. Посмотри, они были наги, но до грехопадения они этого нисколько не ощущали и не стыдились. Как только три желания заняли в них место любви, их духовный лик помрачился, они стали смотреть телесными очами и видели только тело. Обнищала и обнажилась душа без благодатной любви Божией, видели они только то, что могут видеть телесные очи. Как рыбы.

40. На древе познания плоды добра и зла были перемешаны. И плоды зла привлекли ее, как и всегда привлекают, не своим вкусом, но наружностью; яркой окраской и красивым видом. Обманутая любопытная жена сорвала и съела сначала плод зла, а затем плод добра. Поэтому первым родился злой Каин, а не добрый Авель. И с того времени продолжается рождение злых и добрых через все века и человеческие поколения. Отсюда все столкновения, ссоры, войны, которыми наполнена история человечества. Мировая история есть макрокосмическое Древо познания.

41. Слишком легко некоторые воспринимают грех Евы, дочь моя. Говорят: что страшного в том, что жена сорвала какой-то запретный плод? Так говорят они как бы в оправдание не только своей праматери, но и себя, зараженных грехом. Искуситель назвал Бога лживым, и жена ему поверила – разве это не страшно? Ибо он сказал жене: вы не умрете, как вам сказал Бог, но станете богами, как и Он, как только съедите плод с запретного древа. (Если бы он сказал: станете «богами», как и я, было бы ближе к истине) И поверила жена, что Бог лжет, а дьявол говорит правду. Весь этот процесс отпадения от Бога истинного и прилепления к искусителю, как

отторжение от любви Божией и наполнения плотскими желаниями, – весь этот процесс совершился в душе Евы еще до того, как она потянулась к запретному плоду. Подобный же процесс происходит и теперь с мужчинами и женщинами, которые впадают в грех. Душа уготовляет, а тело исполняет.

42. Когда люди удалились от любви Божией, единой истинной любви, они начали называть свои похоти и желания любовью. Так они назвали любовью желание плотских, телесных наслаждений, земных благ, суетных пустых знаний, как и желание власти и почестей, игр и веселия, обладание вещами. Все это люди именовали любовью по наущению сатаны, чтобы забыть любовь небесную, единственно неложную. Подобно этому и осужденный в тюрьме ломает черный хлеб на малые частицы и эти крохи именует самой сладкой едой, которую когда-либо он ел на свободе. Чтобы через эту иллюзию легче можно было глотать горький тюремный хлеб.

43. Многочисленные желания, поросли плотской любви не могли заменить истинную любовь, ни сделать человека счастливым. Напротив, они сделали его несчастным, потому что издаലെка очаровывают, а вблизи разочаровывают. В пору цветения – роза, а при созревании – колючка. Многие желания произвели раздробленность сердца, внутреннее неустройство в человеке и внешние распри среди сыновей человеческих. Дивно это объясняют апостолы Божий. Прежде всего, Иаков, брат Господень: «Откуда у вас вражды и распри? Не отсюда ли, от вожделений ваших, воюющих в членах ваших? Желаете – и не имеете; убиваете и завидуете – и не можете достигнуть; препираетесь и враждуете – и не имеете, потому что не просите. Просите, и не получаете, потому что просите не на добро, а чтобы употребить для ваших вожделений» (Иак. 4, 1–3). Потом Петр «Возлюбленные! Прошу вас, как пришельцев и странников, удаляться от плотских похотей, восстающих на душу» (1Пет. 2, 11), а Павел напоминает «Поступайте по духу, и вы не будете исполнять вожделений плоти» (Гал. 5, 16). И еще много и много подобного.

44. Ох, дочь моя, смотри как с утратой любви человек потерял понятие об истине. Потому что любовь и истина нераздельны. Как различные желания заменили собою любовь, так и ложные понятия заменили истину, а ложные боги – единого истинного Бога. Всякой человеческой страсти соответствовало некое ложное божество. Это ясно видно из всех мифологий, особенно греческой, которая до мелочей разработана и, к сожалению, воспета великими поэтами. Желания и страсти человеческие воплощались в образах богов и богинь, и так люди «осутились в умствованиях своих, и омрачилось несмысленное их сердце»

(Рим. 1, 21–22).

45. Злой дух вложил в сердце Евы три главные страсти, – те же самые, которыми он позже искушал Христа Спасителя в пустыне Иерихонской, – дабы изгнать из ее сердца любовь, а именно страсть к земным наслаждениям (похоть плоти), похоть очес и жажду знания мирского, – и все это против Бога и Божией любви. А Иисус твердо отринул искушения (не так, как Ева): «Иди от Меня, сатана!» (Мф. 4, 10).

46. Таков Сын Божий в начале Своего спасительного служения людям. А в конце Иисус говорит ученикам Своим «Идет князь мира сего (т. е. князь всех плотских мудрований и лжи) и во Мне не имеет ничего» (Ин. 14, 30), т. е. ни единой от тех смертоносных страстей. Каково расстояние между Богом и сатаной, таково между любовью и плотскими похотями.

47. Бог есть Любовь. Только через Бога можно любить творение Божие, и самое отвратительное. Потому первая заповедь гласит: «Люби Господа Бога своего», и только затем: «Люби ближнего своего». Без любви к Богу всякая другая любовь нереальна и недолга. Как порывы теплого ветра, которые уступают место морозу. Даже самого себя человек не умеет любить, не имея любви к Богу. Только в Боге человек может любить себя как тварь Божию. О самолюбии же говорит блаженный Диадок: «Кто любит себя, тот не может любить Бога».

48. Когда Христос давал заповедь: «Люби ближнего своего», Он не имел в виду, как думают многие, что нужно любить только добрых и праведных, здоровых, видных и знатных, но и злых, и неправедных, и больных, и прокаженных, и горбатых, и слепых, и безобразных, и гадких, и отвратительных. Словом, всех тех, которых любил Он и никто другой. А это невозможно человеку, который не любит Бога, и который через любовь к Богу как через небесную призму не простирает любовь свою на все, что Бог создал. Как один из любящих любит не только своего возлюбленного, но и его увечного сродника, и не только его новую шелковую одежду, но и негодную, ветхую.

49. Любовь не есть просто сердечное ощущение. Любовь – царица всех чувств, благородных и положительных. Преподобный Феодор Эдесский говорит: «Любовь с полным правом называется матерью добродетели, главой закона и пророков». Все остальные благородные и положительные ощущения – как бы ее придворные дамы. Потому апостол и пишет Колоссянам, что любовь – совершенство. «Любовь... есть связь совершенства» (Кол. 3, 14). А к Солунянам «Господь да управит сердца ваши на любовь Божию» (2Сол. 3, 5). Воистину, любовь есть наикратчайший путь в Царство Небесное. Любовь уничтожила разделение

между Богом и человеком.

50. Послушай теперь, дочь моя, и эту тайну. Бог – совершенная личность, потому Он и любовь совершенная. Бог – совершенная личность, потому Он и жизнь совершенная. Вот почему Христос и произнес слова, потрясшие мир «Я есмь путь, истина и жизнь» (Ин. 14, 6), подразумевая под путем путь любви. Потому-то любовь, как путь, поставлена на первое место. Ибо только любовью постигается истина и жизнь. Потому-то и сказано в Слове Божиим: «Если кто не любит Господа Иисуса Христа, да будет проклят» (1Кор. 16, 22). Как же не будет проклят тот, кто лишен любви, если при этом он и остается без истины и жизни? Тем самым он сам себя проклинает.

51. Тело не может ни любить, ни ненавидеть. Не может тело любить тело. Способность любить принадлежит душе. Когда душа любит тело – это не любовь, но желание, страсть. Когда душа любит душу не в Боге, то это либо восторг, либо жалость. Когда же душа в Боге любит душу, не взирая на внешность (красоту, уродство), это и есть любовь. Это – истинная любовь, дочь моя. А в любви – жизнь.

52. Ученого привлекает знание, богатого богатство, красавца красота, художника искусство. Этими вещами интересуется лишь некоторое ограниченное число людей. Только любовь нужна всякому человеку. Сила любви безгранична. Ученый и неуч, богатый и нищий, искусный и неискусный, красавец и урод, здоровый и больной, молодой и старый – все хотят быть любимы. Христос простирает Свою любовь на всех и любовью привлекает к Себе всех. Своей любовью Он обнимает и мертвых, давно истлевших и позабытых людьми.

53. Человек – и мертвый – желает быть любимым. И после смерти борется против смерти. Потому многие люди стремятся завещаниями и имениями обеспечить любовь к себе и после смерти. И живой, и мертвый человек желает быть любимым. У родных есть потребность любить своих умерших родственников. А Христос сказал «Когда Я буду вознесен от земли, всех привлеку к Себе» (Ин. 12, 32). Поднятый на крест, Он Своей жертвой из любви ко всем привлекает к Себе всех, даже и души умерших, находящихся во аде. До Христа, дочь моя, не существовало ни понятия о любви, ни религии любви.

54. Апостол любви святой Иоанн Богослов пишет: «Не любите мира, ни того, что в мире. Если кто любит мир, в том нет любви Отчей» (1Ин. 2, 15). И указывает на причину, почему не нужно любить мир. Потому что «все, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего. И мир проходит, и похоть его, а тот, кто творит

волю Божию, пребывает вовек» (1Ин. 2, 16–17). И так, эти три: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская (превосходство в знании) – те самые древние соблазны, которыми сатана прельстил Еву, но не Христа.

55. Святой Антоний Великий говорит: «Начало греха есть похоть; начало спасения и царства небесного есть любовь». Любовь и похоть противоположны друг другу. Кто похоть называет любовью, тот заблуждается. Ибо любовь духовна, чиста и свята, а похоть телесна, нечиста и несвята. Любовь не отделима от истины, а похоть от иллюзии и лжи. Истинная любовь, как правило, постоянно возрастает в силе и во вдохновении, несмотря на человеческую старость; похоть же быстро проходит, переходит в отвращение и часто доводит до отчаяния.

56. То, что для животных не предосудительно, людям ставится в вину. Все наше знание о животных не может нам объяснить их внутренних ощущений. Мы не знаем их внутреннего устройства, но только наружное. Но определенно можно сказать, что они живут согласно своей природе, по дару и определению Творца, всегда неизменны, всякий по своему роду, и без греха. Применительно к животным нельзя говорить о грехе. Но человек, если он живет животными похотьми, соделывает грех. И как же можно эти страсти называть святым именем любви! Человек может опуститься до состояния животного, может стать хуже скотины.

57. Но когда кто-либо говорит, что и человек должен жить согласно законам природы, мы спрашиваем: какой природы? Той ли первоначальной, безгрешной, райской природы, по которой Бог сотворил человека, или другой, болезненной, приниженной, извращенной демонами, изуродованной пороками, умерщвленной страстями? Ибо не сотворил Бог человека подобно всей остальной твари, но особым образом. И сверх всего дал ему власть над остальной тварью. Поэтому человек отделен от всякой другой физической природы: от рыб, от птиц, от животных, и вознесен над всякой зоологией и «обезьянологией». Христос пришел, чтобы обновить эту первую подлинную природу человека. И только тот, кто живет согласно этой обновленной природе, живет, действительно, по природе человеческой. Место зоологии у ног антропологии.

58. Человек, обновленный Христом, живет обновленной природой, обновленным умом, сердцем и волей. Все эти три части души заквашены в нем закваской Духа Святого. Дабы все три одинаково вместили в себя троичную небесную любовь, которая «превосходит разум». Потому апостол говорит о «новом человеке», уподобившемся Христу. И поэтому же апостол говорит: «Старое прошло, теперь все новое» (2Кор. 5, 17).

59. А чтобы древнее прошло, и новое стало; чтобы ржавые гвозди превратились в сверкающую сталь; чтобы гора всяческих нечистот, в которых погряз человеческий род, канула в бездну, для этого требовалась сила выше человеческой и безмерная любовь к творениям, самим себя презиравшим. На земле не существовало ни такой силы, ни такой любви, ни такого мужества. Она должна была прийти с небес. И пришла. Ибо «Бог так возлюбил мир, что отдал и Сына Своего единородного, чтобы верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин. 3, 16). И вот сошел с небес Сын Божий, «Божия сила и Божия премудрость», чтобы любовью Своей оживить омертвевший мир.

60. Дважды потряслась земля любовью Божией: первый раз, когда Он умер в муках на кресте, чтобы искупить род человеческий от греха и смерти, а в другой раз, когда, освободив узников из ада, воскрес в сиянии и славе. Те два потрясения были и прошли. Но преображение сердец человеческих, разгоревшихся от пламени Его любви, продолжилось сначала через первых Его апостолов и жен-мироносиц, и далее, через весь сонм Его дальнейших последователей, сквозь все века и по всей земле. Распаленный любовью Христовой, прежний гонитель Его воскликнул: «Все почитаю за сор, чтобы приобрести Христа» (Флп. 3, 8).

61. Тот самый Савл-Павел пишет как бы молниями, а не пером: «Кто разлучит нас от любви Божией? Скорбь или теснота? или гонение, или голод? или нагота? или страх? или меч? Как написано: «За Тебя умерщвляют нас всякий день, считают нас за овец, обреченных на заклание. Но все сие мы преодолеваем силою Возлюбившего нас. Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем» (Рим. 8, 36–39). И ты знай, дочь моя, что все адские засовы падут перед человеком с такой любовью.

62. «Огонь пришел Я низвести на землю» (Лк. 12, 49), – сказал Господь. Это небесный огонь любви, в котором нет дыма, нет ничего телесного, ни материального, ничего страстного или несвятого. Этой любовью были напоены и упоены все апостолы, все святые мужи и жены. Их сердца были свободны от желаний телесных и проходящих, и направлены только к Нему, единому Возлюбленному, не ожидая ничего от мира и давая миру все ради Него.

63. Такая всецелая любовь может соотноситься только с личностью, а не с каким-либо принципом, или законом, или природой. Ведь и земная любовь – в той мере, в которой она может называться любовью – связана с

некоей личностью, а не с принципом, или законом, или тварью. Напрасно трудились земные мудрецы и до, и после Христа, чтобы убедить народы в существовании безличного Бога. Лили они воду в решето. Но никакие народы, которые веровали в личного Бога или богов, никогда не имели в своих пантеонах Бога, имеющего такую любовь, которая была явлена миру в личности Иисуса Христа, Богочеловека.

64. Любовь, которую Христос явил миру, душа моя, это любовь, которая была "прежде создания мира" (Ин. 17, 24). Эта любовь, следовательно, не временна, но вечна, не внешняя, но внутренняя. «Я во Отце Моем, и вы во Мне, и Я в вас» (Ин. 14, 20). А где есть Сын, там и Отец и Дух Святой. Он хочет Своей любовью наполнить извечное троичное естество человеческой души. Однако, хотя Он и хозяин, но, тем не менее, как смиренный гость Он стучится во всякое человеческое сердце. Ибо даровал свободу человеку и не навязывает ему Себя. Благо тому, кто свою свободу подчинил Его любви! «Войду к нему и буду вечерять с ним, и он со мной» (Откр. 3, 20). Счастлив тот, кто добровольно откроет сердце Иисусу, Который несет любовь, а с любовью и жизнь, и мир, и радость.

65. Ради любви к душе человеческой Господь Христос заботится и о теле человеческом как вознице души. Он хранит голодных в пустыне, лечит телесные болезни у людей, спасает их от бури и ветра, очищает от злых духов. Он прикасается к гнойным очам слепцов, дотрагивается до прокаженных и мертвых, выпрямляет скрюченных и горбатых. И горбатых, запомни, дочь моя. Отвратительнейшее тело не отвратительно для Него, и наипрекраснейшее не привлекательно. Он видит тела вместе с душами, которые созревают в телесных горницах. И смотрит на духовный плод всякого тела. И еще Он знает, что часто совсем кривая яблоня дает сладчайший плод. Запомни это, дочь моя.

66. Знает Господь ценность человеческого тела. О том, что такое тело, Он сказал через Своих пророков, апостолов и библейских поэтов: дым, который исчезает, трава, которая сохнет, цвет, который вянет, прах от праха. Люди по близорукости и суетности видят повозку, а не возницу. Он же, наоборот, смотрит на возницу, сокрытого в повозке. Вся Его забота и любовь направлены на невидимого возницу, т. е. на душу в теле. А что Он чистит и исправляет повозку, то это ради возницы. И что Он лечит и хранит человеческое тело, то это ради бессмертной души человеческой. Ибо, «какая польза человеку в том, что он весь свет приобретет, а душе своей повредит?» (Мф. 16, 26)

67. Господь Иисус часто повторяет и напоминает людям, чтобы они

не заботились о еде, питии, одежде. Это главная забота язычников, а не Его последователей. Не достойно сыновей Божиих, чтобы то, что является главным для животных, было бы главным и для людей. Тот, Кто нас позвал как Своих гостей в этот мир, знает наши нужды и постарается для нас. Или мы думаем, что Бог – худший хозяин в Своем доме, чем человек? Нет. Такого не может быть. Со всеми нашими заботами о теле мы не можем спасти его от старости, болезни, смерти и тления. Но знаем, что Всемогущий, Который наши души облек в это чудно сотканное, изведенное из земли тело, которое мы считаем драгоценным, а Он ничего не стоящим, облачит нас после смерти в несравненно более прекрасные тела, бессмертные и нетленные, неподверженные болезням и старости. Это обещал сделать Тот, Кто сотворил нас из чистой любви и Кто ждет от нас ответной любви.

68. Любовь к Богу изгоняет всякий страх из души, кроме страха греха. Да, любовь страшится греха. Страх греха – это и есть страх Божий. Любившие Христа великой любовью не страшились ни людей, ни зверей, ни нищеты, ни смерти. Напротив, они даже радовались страданиям за Того, Кто за них пострадал, чтобы стать подобными Ему. И хотели скорее умереть и оставить этот мир, только бы быть скорее с возлюбленным Господом. Апостол свидетельствует об этом: «Мы благодушествуем и желаем лучше выйти из тела и водвориться у Господа» (2Кор. 5, 8). Ибо они были уверены, что когда душа оставит эту смертную телесную храмину, то вселится «в жилище вечное на небесах». Зато и говорит: «Оттого мы и воздыхаем» (2Кор. 5, 1–2).

69. Не какой-то земной, но небесный пример любви преподает Христос Своим ученикам «Если заповеди Мои сохраните, пребудете в любви Моей, как и Я сохранил заповеди Отца Моего и пребываю в Его любви» (Ин. 15, 10). А все Его заповеди содержатся в одной: «Любите». Все же остальные заповеданные Им: молитва, милостыня, смирение, чистота, терпение, жертвенность, мужество, непопечительность, умение прощать, бдение, радость и др. есть различные стороны любви. Кто добудет царицу добродетелей, добудет и всю свиту царицы.

70. Во всех книгах Нового Завета любовь поставлена над всеми другими добродетелями и заповедями, как всеобъемлющая. Известны слова апостола Павла о любви: «Если я языками человеческими и ангельскими говорю, а любви не имею, то я медь звенящая и кимвал гремющий, и если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто. И если я раздам все свое имение и отдам мое тело на

сожжение, а любви не имею, – нет мне в том никакой пользы. Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует; любовь не превозносится; не гордится; не бесчинствует; не ищет своего; не раздражается; не мыслит зла; не радуется неправде, а радуется истине... И теперь пребывают сии три: вера, надежда и любовь, но любовь из них больше» (1Кор. 13:1–6, 13). Более красивого гимна любви не было произнесено человеческим языком.

71. Когда божественная любовь приходит в сердце человека, с ней приходит все, все, дочь моя: и мудрость, и сила, и чистота, и милосердие, и праведность, и мужество, и воздержание, и ясновидение, и спокойствие, и веселость, и всякое добро. И это совершенно логично. Поскольку Бог из любви к нам «Сына Своего не пощадил, но предал Его за всех нас (на муки и смерть), как с Ним не дарует нам и всего?» (Рим. 8, 32). Вся история Церкви подтверждает это. Просветленные любовью Христовой простецы стали мудрецами, трусливые мучениками, развратные святыми, жестокие добрыми, цари и богачи слугами Христовыми, волки агнцами, а агнцы львами. Чудотворная сила любви Христовой не престаёт с Его отшествием, но только умножается, весьма умножается.

72. Христос всецело даровал людям Свою любовь, потому Он и ждёт от них всецелой любви. И твоей, душа моя милая. Единственно, чего Он не терпит, это разделённости нашего сердца между Богом и маммоной. Он хочет того, что выгляди вовсе противным природе человеческой. «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня» (Мф. 10, 37). И более того: «Если кто приходит ко Мне, и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником» (Лк. 14, 26). Естественно, что это невозможно никому, кроме того, кто откроет свое сердце Богу, и тогда Всемогущий соделывает немощного сильным. «В любви на самом деле нет ничего не от Бога, потому что Бог есть Любовь», – пишет святой Нил Синайский.

73. Доколе человек не возненавидит свою старую одежду, он не может пожелать новой. Как можем мы стать «новой тварью во Христе», «новым человеком», «сыновьями света», если не возненавидим свою ветхую греховную душу, которая через рабство телу поставила тело выше духа? Ветхий человек весь в страхе пред Богом. Страх для него – начало и конец. У нового человека страх – начало, а любовь – завершение. Смерть за любовь Христову – залог вечной жизни.

74. Кто удаляется от любви Христовой, впадает в безумство телесных

желаний, которые не знают меры, которым нет числа. А над теми, кто просветлен любовью, телесные желания не имеют власти, но они становятся равнодушны ко всем прелестям этого преходящего мира. Они «пользуются миром сим, как не пользующиеся, ибо проходит образ мира сего»:(1Кор. 7, 31). Смотрят на то, что не видимо, а не на то, что видимо. Их взгляд направлен постоянно сквозь смерть к Тому, Который их любит и ждет в такой красоте и радостях, которых «око не видело, ухо не слышало и не приходило то на сердце человеку» (1Кор. 2, 9). Это есть конечная цель нашей жизни и наших трудов. А близорукий, он и видит не дальше своего носа.

75. Невозможно иметь истинной и постоянной любви к Богу, пока у нас нет любви ко Христу; невозможно иметь любви к ближним, пока мы не будем любить Христа. Мы это повторяем и будем повторять. Как сказано: «Во свете Твоем узрим свет» (Пс. 35, 10). Также можно сказать: через Твою любовь и мы любим. Только через любовь Божию, воплощенную во Христе, мы можем правильно любить и Бога, и себя, и своих ближних, даже врагов. Ибо и за врагов наших умер Христос. Только благодаря той великой цене, которой Христос искупил наших врагов, дана нам сила любить их, благословлять их и молиться за них. Это возможно только во Христе, и никак иначе. Божественный Максим Исповедник пишет: «Кто любит Бога, тот неизбежно любит и ближнего». А мы добавим: и Бога не может любить тот, кто не любит Христа, воплощенного Сына Божиего. В Новом Завете открыты миру два основных догмата: о Святой Троице и Воплощении Сына Божиего. Любовь зиждется на этих двух догматах.

76. Бог благословил брак, сначала в раю, а потом и в Кане. В браке два тела становятся в плоть едину, две души «нераздельны и неслияны». Два храма Святого Духа под одним кровом. Зачем Бог соединил два тела воедино? Потому что «двоим в пути легче, чем одному». Потому что благодаря браку, обуздывается нечистая телесная похоть, через целесообразное устраняется нецелесообразное. Потому что через умножение рода человеческого дается возможность многим спастись Христовой жертвой. Потому что телесный брак мужа и жены, связанный любовью и благословленный Церковью, есть невыразимый символ духовного брака Христа с Церковью и со всякой душой христианской. И среди первых учеников Господа, апостолов и мироносиц, было много и брачных, и небрачных.

77. Монашество по своей идее надприродно, ангелоподобно. Это показано было во многочисленных примерах, и на практике оно

надприродно и ангелоподобно. Но, по слову Самого Господа, это «не все могут принять, но только те, кому дано». Те, кто ясно видит Царство Небесное; те, у кого сердце открыто исключительно к любви Христовой; которым в радость подниматься вверх по крутой отвесной скале до небесной высоты, и которые ощутили призыв через благодать и силу Божию, они принимают это без страха и без оглядки. Таковых Христос вдохновляет на монашескую жизнь словами: «Кто может вместить да вместит». Благо тебе, дочь моя, что ты смогла принять то, что не все могут принять, то, что определяется как неподдельная любовь.

78. Мысль о безбрачии во имя Господа и на службе Господу горячо провозглашает апостол Павел, безбрачный апостол, говоря (но не заповедуя): «Хочу, чтобы все люди были как и я». И повторяя: «А неженатым и вдовицам говорим: хорошо им, если останутся, как и я сам» (1Кор. 7, 8). Но сколько раз апостол хвалит безбрачие ради Господа, столько же он осуждает безбрачие ради желаний телесных. В первом случае любовь к Богу заменяет все пожелания телесные, в другом желания и похоти изгоняют любовь и занимают ее место.

79. Монашество не правило, а исключение из правила, но исключение, без которого Церковь Христова никогда не была бы тем, чем она является. Подобно неправильным глаголам (как глагол «быть»), без которых язык был бы несовершенен.

80. Всю строгость монашеской жизни в православной Церкви могли вынести, выдержать только те, кто имел большую любовь к Господу. Благодаря этому они стали «свотильниками света», «земными ангелами и небесными человеками», образцом поста и молитвы, правила веры и чистоты. «Кто любит беседу со Христом, тот любит уединение», – говорит святой Исаак Сирин. Уединенный разговор любви с Любовью.

81. В житиях святых мы находим необычные примеры, когда обвенчанные пары, договорившись между собою, продолжали жить целомудренной жизнью как брат и сестра (Галактион и Епистима, Алексей Человек Божий и др.). По слову Павла, чтобы те, кто имеет жену, были бы как неимеющие (1Кор. 7, 29). Победители плотских страстей победили змия, обольстившего Еву в раю.

82. О брачной жизни хорошо и понятно написано в Новом Завете. Святые апостолы с отеческой любовью и строгостью напоминают и мужьям, и женам, и детям главенство мужа над женой сравнивается с главенством Христа над Церковью (1Петр. 3, 1–8). Любовь мужа к жене должна быть подобна любви Христа к Церкви (1Тим. 2:9–15), за которую Он принес Себя в жертву (1Кор. 7, 1–16). Замужняя женщина спасается

рождением детей, если останется в вере и любви и в святости с целомудрием (1Тим. 2:15, 1Кор. 7, 7–8, 32–40). А та, которая живет в телесных страстях, наслаждениях, заживо мертва. Дети почитают и слушают своих родителей. Не бывает союза без обязательств.

83. Как освященный брак символизирует Христово единство со святой Церковью и духовный брак Христа с душой всякого верного христианина, так, с другой стороны, прелюбодеяние и блуд символизируют сатанизм, измену любви Божией, разрыв единства с Богом. А это все по воле сатаны, который желает, чтобы осуетилась, извратилась Божественная любовь в людях. Для него невыносима чистая небесная любовь, а приятна телесная похоть во всякой нечистоте. «Бесплодные дела тьмы» – это та приманка, которой он заманивает людей во ад (Еф. 5, 11).

84. Во Святом Божественном Писании часто прелюбодейством и блудом называется отпадение от единого Бога и поклонение идолам. Пророки и апостолы громогласно осуждают оба этих срамных греха как погибельных для души. Изменяет ли муж жене или поклоняется идолам, в обоих случаях он отпадает от Бога и делает то, что угодно дьяволу. Любовь не имеет ничего общего с прелюбодеянием и блудом. Сии последние над любовью глумятся.

85. Существует одно преступление против любви, тяжкое как блуд и прелюбодеяние, даже еще тяжелее. Это богоборчество лицемерных старейшин народных, у которых на языке любовь к народу, а в душе презрение к нему. Под видом закона они грабят и угнетают народ и отвергают «правду, милость и веру». Это те, которым Бог мешает, а Христос досаждаёт, и они действуют лукаво, чтобы увести народ от Бога, а Христа они распинают. Это самые большие враги народа, которые гонят и убивают его истинных друзей. Их-то Христос ставил ниже блудниц и мытарей, говоря фарисеям: «Истину говорю вам, что мытари и блудницы прежде вас войдут в Царствие Божие» (Мф. 21.31).

86. Благоухание любви! Воскуривая ладан, мы помышляем о сладостном аромате небесной любви. Дух Святой подобно небесному огню приносит теплоту любви в человеческие сердца, и, как свежий ветер, разгоняет греховный смрад и распространяет Христово благоухание в мире. Этот аромат имели в себе все святые. Люди ощущали его и от живых святых, и от их мощей. Апостол говорит об этом «Мы Христово благоухание Богу» (2Кор. 2, 15), аромат познания истины и сладости любви.

87. В церковных песнопениях воспоминается «благоухание рая». Сей аромат исходил от Господа, а через Него и от всех учеников Христовых,

которые вместо смрада плотских желаний исполнялись ароматом святой любви Божией. Христово же благоухание не одинаково воздействует на всех, но «для одних запах смертоносный на смерть, а для других запах живительный на жизнь» (2Кор. 2, 16). Ибо одни прогоняют этот аромат смрадом греха, а другие вдыхают его до конца дней, храня свое сердце и от всего сердца стремясь быть угодными Христу, дабы принять в себя благоухание рая.

88. "Обрек вас мужу единому, да деву чисту изведем пред Христа», – пишет Павел коринфянам (2Кор. 11:2), погрязшим в плотских желаниях и беспутствах. Это задача Церкви, т. е. чтобы очистить верных от всякой греховности и страстности, и чтобы соделать их чистыми и святыми девами, невестами Пречистого и Пресвятого Христа Царя. Преподобный Феогност пишет: «Нет другого такого великого подвига, подобного подвигу целомудрия и девственности. Те, которые честно хранят безбрачие, вызывают удивление ангелов и получают венцы мученические». В сербской народной поэзии существует образ: «благоухание девической души». Это аромат чистоты и святости.

89. На Востоке люди умеют различать запах души крещенной и души некрещенной. Пчелы по запаху распознают злого человека и сразу на него нападают. Дикие звери приходили к святым мужам и женам, и ласкались к ним. Они чувствовали благоухание любви. Конечно, и апостолы ощущали этот неземной аромат любви (Флп. 4, 18). Бог не выносит ни запаха жертв беззаконников и лицемеров, ни жертвы несправедливой (Ис. 1, 13). Жертвы сами по себе имеют запах, свойственный их природе, но души приносящих жертвы источали зловоние.

90. Любовь много прощает. И любовью прощается все. Гордое самооправдание противно любви. Фарисей Симон насмеялся над Иисусом за то, что он позволил жене, явной грешнице, умыться Его ноги своими покаянными слезами и отереть своими власами (ей, сознающей, что у нее столько грехов, сколько волос на голове). Иисус укорял фарисея, говоря ему: «Прощаются ей грехи многие за то, что возлюбила много». Кого возлюбила? Того, Кто шел на Голгофу, чтобы и ее грехи, как и грехи всего мира, омыть не слезами, но кровью.

91. По Своей великой любви Христос ищет не нашего, но нас самих. А люди из-за недостатка любви больше ищут Его благ, а не Его. Хотят получить от Него и хлеб, и дождь, и плодородие, и здоровье, и все земное. И Он с печалью подает все это. Мы забываем, что когда обретаем Бога, то и все вместе с Ним. Апостол говорит «Все почитаю за сор, чтобы приобрести Христа» (Флп. 3, 8). С другой стороны он пишет верным: «Я

ищу не вашего, а вас» (2Кор. 12, 14).

92. Любовь и богатство не ладят друг с другом. Ты этим горько искусилась, дочь моя. Поиск богатства – отсутствие любви. Тропарь святым девам мученицам удивительно описывает их любовь ко Христу: «Агница Твоя, Иисусе, зовет велиим гласом: Тебе, женише Мой, люблю, и Тебе ищущи страдальчествоую, – и умираю за Тя, да и живу с Тобою; но яко жертву непорочную приими мя с любовию пожержуюся Тебе». Это есть то, чего Христос ожидает от Своих невест: души их, пламенеющие любовью, а вовсе не богатство. А три твои жениха, дочь моя, хотели тебе себя не дать, а продать.

93. О Христе как о женихе и Его мистическом (т. е. духовном) браке с отдельными душами и с Церковью в Ее целостности много написано в православном богословии. В притче о браках Царского Сына Христос в этом образе указывал на Себя Самого, как на того Жениха. А говорит Он о браках, а не о браке, потому что жаждет венчания со многими человеческими душами, которые в вечной жизни будут любить Его, как и Он любит их. Не все званные отзовутся, ибо они чрезмерно опутаны телесными желаниями и венчаны за землю. Но и без них «столы заполнятся гостями». Итак, наполнится Небесное Царство, Чертог Христов, душами верных Ему и любящих Его. А кто не войдет и останется вне Царства, то это не потому, что до него не дошел призыв, но потому, что по своей воле он не захотел отозваться на приглашение.

94. Какова бы ни была судьба человека на земле, каковы бы ни были хитросплетения и препятствия от сатаны и безбожников, и каково бы ни было в последние времена отпадение от истины и любви Христовой, Царство Христово все равно наполнится. Или разве Тот, Кто учил нас, что прежде чем строить башню, необходимо рассчитать, сможем ли мы завершить дело, – разве Он заранее не продумал, как Ему наполнить Свое Царство? Церковь – это тело Его. И как же в нем необходимы все дела и все делающие до малейших, до мельчайших клеточек. Чтобы наполнить Царство, Господь многих раскаявшихся грешников и грешниц очистит и переродит так, чтобы они стали достойны называться Его невестами. Но только покаяние личное есть начало труда ко встрече с Божественной благодатью.

95. Как родители радуются, когда любят и хвалят их ребенка, так и Господь радуется, когда люди любят и славят Его святых: как будто это Его славят. «Кто вас принимает, Меня принимает», – сказал Он (Мф. 10:40). И кто прославляет святых Христовых, прославляет Христа. Святые прославили Господа Своего на земле светом любви, и во многих

бедах и напастях сохранили Его заповеди. Так победили они первого зверя, отца раздоров и пакости, первого человекоубийцу. И не ища ничего для себя на земле, добыли все на небе. Так и обещано (не через ложные человеческие уста, но чрез правдивые уста Божии) – «Кто победит, наследует все, и буду ему Богом, и он будет Мне сыном» (Откр. 21, 7).

96. Кто победит? Тот, кто знает, что он есть причастник тела Христова и хранит свои душу и тело во святыне; не как свои, но как Христовы. Тот, кто смотрит на Христа, распятого на кресте, и говорит себе: это Он, Который любит меня больше, чем моя мать. Его муки – из-за моих грехов, и Его кровь – за мое очищение и спасение. Победят те, которые заблаговременно украшают свои души трепетной любовью к Вечному Жениху Христу. Да, все те, кто сохранили полученные приглашения на Небесную вечерю Агнца Божия. «Благо тем, которые позваны на брачный пир Агнца» (Откр. 19, 9). Позваны и откликнулись. Страх Господень – начало премудрости, а любовь – полнота и вершина ее.

97. Все люди позваны, и Бог хочет, чтобы все отозвались. И многие, очень многие уже отозвались в течение минувших веков, и еще многие отзовутся. Это будет великий собор, людей будет столько, сколько песка морского. Тайновидец Иоанн так описывает этот собор: «После сего взглянул я, и вот, великое множество людей, которого никто не мог перечесть, из всех племен и колен, и народов и языков, стояло пред престолом и пред Агнцем в белых одеждах и с пальмовыми ветвями в руках своих» (Откр. 7, 9). На земле невозможно познать и ощутить ту праздничность и радость. Это праздник любви, которая воистину превосходит всякий ум и всякую фантазию. Это неизмеримое, неисчислимое царство Христово.

Будь внимательна, дочь моя, и не обманись. Сколь велика любовь Агнца к тем, которые со страхом и любовью сохранили Отчее приглашение на брак Сына, столь же страшен и гнев Агнца на тех, которые этот призыв слышали, но не отозвались, или его отвергли, а зовущих – апостолов, миссионеров, священников – замучили. Ибо когда Агнец Божий победит всех зверей, в человеческом и ином облике, и явится миру, тогда они, ужаснувшись, воскликнут горам и камням «падите на нас и сокройте нас от лица Сидящего на престоле и от гнева Агнца» (Откр. 6, 16). Праведна, но и страшна месть изменникам любви.

99. Когда один из супругов не сохранит супружеской верности – какой гнев, какая вражда, какой крик по судам! Между тем ни один из супругов не пожертвовал наперед за другого ни единого ока, руки, ни перста. И все же сколько ярости! А Христос все Свое тело отдал до конца,

всю Свою кровь пролил за всякую душу человеческую. Его гнев против предателя любви, которую Он запечатлел кровью и смертью, несравнимо более оправдан, чем гнев оскорбленного супруга. Симеон Новый Богослов говорит: «Если душа явно или тайно заменит любовь к Жениху Христу на любовь к кому-нибудь другому, она становится ненавистна и мерзка Жениху». Потрудись, дочь моя, чтобы научиться любить Христа более мира и всего, что есть в мире, и более себя самой.

100. Любви не нужен Закон. Любовь есть Закон над законами. Это – новый Закон или Новый Завет Христов. «Знаем, что тому, кто Бога любит, все идет на добро», – говорит апостол. Путь любви может быть с препонами или тяготами, но и по Слову Божию, и из опыта человеческого этот путь непогрешимо ведет к вечному благу.

101. Много тебе написал, чадо Божие, а обо всем этом можно кратко сказать: «Если любишь Господа Иисуса Христа, то исполнила обе великие заповеди о любви. Ибо Он есть Бог наш и Он же наш Ближний. Самый близкий из всех. На Нем зиждутся обе заповеди о любви и относятся в первую очередь к Нему лично. В древности люди не могли любить невидимого Бога. Иисус Христос – Бог воплощенный и истинный Человек. Богочеловек, Который пришел на землю как Бог любви, и как Человек пострадал ради любви к нам. И в самом деле, такого Бога и такого Ближнего очень легко любить. А чрез Него и все Его.

102. О душа моя, придет время, ты уйдешь от всех, и тебя все оставят. Друзья позабудут. Богатство тебе не понадобится. Красота увянет, не станет силы, высохнет тело, и душа погрузится во мрак. Кто протянет тебе руку в этой тьме и одиночестве? Только Христос Человеколюбец, если ты в жизни своей Его возлюбила. Он выведет тебя из тьмы к свету, из одиночества на Небесный Собор. Думай об этом день и ночь и стремись к этому. И да поможет тебе Христос, Царь любви. Аминь.

Примечание: Посвящаю это писание моей духовной дочери, монахине Кассиане, для чтения и размышления о том, что выше всего на небе и на земле. Смиренный раб Божий Каллистрат

Глава 7. Все тайное становится явным

Несколько дней трудились Павле Сарайлия и Марко Кнежев, переписывая для себя обе рукописи, т. е. повесть Иова Сарайлии и писание отца Каллистрата. Милешевский игумен так радовался обретению второй части рукописи, что не давал вынести ее из гостиницы, но позволил переписать.

Переписчики взяли себе копии, а оба оригинала соединили вместе и передали отцу игумену на сохранение.

В этом деле только доктор Сумрак не принимал никакого участия. Он не выходил из своей комнаты. В одну из ночей шел страшный дождь с вечера до утра. Наутро нашли доктора мертвым, он лежал у могилы матери Кассианы.

В его комнате обнаружили два письма, одно на имя Павле Сарайлии, а другое на имя отца игумена. Первое письмо гласило: «Дорогой Павле, друг мой! После двухлетней нашей дружбы нахожу необходимым открыть неизвестное тебе. Я и есть тот студент медицины, которого содержала «горбатая Юлия». Я и есть тот мерзавец, который обманул ее и убежал накануне назначенного дня венчания в монастыре Савина. Я, негодяй, позже женился на одной злой женщине, которая меня обманывала, презирала и тиранила, а напоследок обокрала и выгнала. Это было первое наказание Божие. Но более тяжким наказанием были угрызения совести. Гонимый ими, я поселился в Сараево, когда Кассиана была уже монахиней, чтобы быть ближе к ней и испросить прощение у нее. Я все исповедал отцу Каллистрату, и после долгой епитимии он разрешил меня от греха, когда узнал от Кассианы, что и она меня простила. Простил меня духовник, простила меня она, но сам себя я не простил, и не знаю, простил ли меня Бог. В моей глупой молодости я презирал ее из-за уродливого тела, а в горькой старости обожал больше всех на свете. Я понял, что моя душа была безобразнее и горбатее ее тела. Она стала для меня ангелом во плоти. Я не осмеливался дотронуться до нее, ни даже коснуться ее одежды. Через нее блистало небо некой неземной светлостью. Благодаря ей познал я Бога, вернулся к вере и к Церкви православной. От нее я узнал, что плотская любовь не имеет ничего общего с истинной, духовной любовью. Когда мы выехали из Сараева, я почувствовал приближение смерти. Тогда напряг я все силы душевные, чтобы поддержать тело, пока не приедем мы в монастырь. Сердце мое тяжело билось все эти дни. Я не хотел умереть в своей комнате. В этот последний час иду умирать на ее

могиле, хоть я этого и не достоин. Это все. Прости меня, дорогой друг, и не допусти, чтобы твоя духовная радость в этом святом монастыре омрачилась хотя бы на один час из-за моей смерти. Через тебя завещаю я все свое имение монастырю Милешеву, этому монастырю Святого Саввы и матери Кассианы. Оно для меня является прахом точно так же, как и тело мое. Прости и оставайся с Богом.

Любящий тебя до смерти и после смерти твой друг Л. Сумрак».

Письмо игумену гласило: «Ваше Боголюбие, дорогой отче игумене, прости, и только прости. Не допусти, чтобы мое мерзкое тело было похоронено в монастырских стенах. Не достоин я этого. Тело привело меня ко греху в молодости, и грех этот отравил всю мою жизнь. Прикажи, чтобы меня похоронили неподалеку от монастырских стен, на краю реки Милешевки. Когда разольется река, пусть отнесет она мое тело в Лим, а Лим в Дрину и все дальше и дальше до моря. А ты помолись о моей грешной душе.

Кланяюсь в ноги, целую твою святую руку и прошу о прощении. Грешный доктор Сумрак».

Еще не прошло всеобщее потрясение и не стихли пересуды, как очередное удивительное событие случилось в монастыре.

Народ еще говорил о смерти доктора, когда внимание всех переключилось на одного молодого мусульманина из Берана. Впав в безумие, он бегал вокруг церкви с утра до вечера. Поначалу народ жалел его, но постепенно все к нему привыкли. И мало кто обращал на него внимание. Но однажды, когда духовник читал о нем Псалтирь над гробом Святого Саввы, юноша еще раз пробежал вокруг церкви и вдруг внезапно остановился. «Где я?» – спросил он удивленно. Он исцелился. Ум возвратился к нему. Плач радости его сродников. Прославление Святого Саввы и крики радости во всем народе. Явилась тайна Божия, тайна силы угодника Божиего Святого Саввы и всех святых милешевских.

Павле Сарайлия, дотоле удрученный неожиданной смертью друга Сумрака, одновременно исполнился удивлением от этого нового чуда.

– Это воистину чудо Божие! – воскликнул он.

– Господин мой, не удивляйтесь, – проговорил один старик из Хисарджика.

– Это место полно небесного пламени. Мы сверху, с Хисарджика, часто видим по ночам, как пламя выходит из этих могил. И это ли не чудо? Тут бесчисленное количество мучеников, монахов, жен, девушек и детей, убитых османлиссами (турками). Все зло, которое существовало в царстве, вооружалось против Милешево и Святого Саввы. Здесь погибал невинный

народ, который собирался в монастыре. Тут лежат и мусульмане, которые заплатились жизнью только за то, что оказались здесь во время нападений. Из могил пламя, господин, пламя за пламенем. Мы когда-то смотрели с гор и думали – пожар в монастыре! Огромный столб огня поднимался от могилы отца Каллистрата. Огромное пламя из могилы матери Кассианы. Дивное место это, господин. Слава Богу и Святому Савве!

Монахи с игуменом рассказывали, что каждый понедельник (а это день, посвященный ангелам) из могилы Кассианы разливалось сильное, дивное благоухание, как будто запах курящегося ладана. Этот запах, говорили, чувствуется далеко по окрестным селам. А понедельник был днем ее смерти. И много других свидетельств от современников о Кассиане записал Павле. Как она собирала сербских и турецких детей в монастырь, чтобы заботиться о них и учить. Как прикосновением своих рук лечила больных, как на молитве поднималась на воздух. Как перед ней церковные врата сами открывались. Мусульмане называли ее Нена, а христиане – Сияна, ибо говорили, что ее лицо сияло. Природная красота ее лица усилилась от духовной красоты и доброты ее души. Ни пост, ни труд, ни старость, ничто не омрачало сияние ее лица.

Наши паломники остались в Милешево до Вознесения, храмового праздника монастыря. Ибо как король Стефан Первовенчаный посвятил свою задужбину – Жичу – Вознесению Господа, так и его сын, король Владислав, эту свою задужбину – Милешево – посвятил тому же празднику. А теперь шел уже второй год после освобождения Гроба Святого Саввы не только от турок, но и от еще больших сербских врагов, к сожалению, крещенных.

И было великое торжество, как некогда во времена царства Сербского. По просьбе сараевских гостей духовники отслужили парастас по всем «отцам и братьям нашим», которые от Косова и до наших дней, один за другим, заплатили страшную цену за правую веру и драгоценную свободу. А после парастаса пропели великое славословие Богу.

На третий день после праздника три открытых фиакра ехали вниз по реке Лим к Сараево. Теперь с одиннадцатью путниками. Три дня говорили путники обо всем, что увидели своими глазами и ощутили сердцем в монастыре Милешево. И благополучно достигли Сараево, не окончив разговора.

Святая Сербия

Русские издавна называли свою землю «Святой Русью». И это название принято в мире и оправдано. Но можно спросить: «А почему же не Святая Сербия?»

Ни одна земля сама по себе не бывает свята. Напротив, вся она проклята из-за греха Адама. Священное Писание говорит о том, как Бог, изгоняя грешного Адама из рая, сказал ему «Проклята земля за тебя» (Быт. 3, 17). Но в то же время вся земля освящена Пречистой Кровью Христовой, пролитой на Голгофе. Однако, это только в том случае, если народ, живущий на этой земле, следует за Христом и проливает за Него кровь, освящающую землю.

Многочисленные жертвы за Христа принесли все христианские народы: восточные больше западных. А сербский народ, исходя из его численности, принес их больше других стран христианского Востока.

Святая Сербия. Она воистину свята. Освящена постом, молитвой и причащением всего народа за всю его христианскую историю. Освящена многочисленными алтарями, святыми могилами, задужбинами (монастырями или храмами, воздвигнутыми во спасение души), которыми связывается небесное с земным; прославлением угодников Божиих, слезами кающихся, праздниками и крестными ходами, святыми мощами, крестами и иконами. Но сверх прочего освящена страданиями миллионов мучеников за Крест Честной и веру христианскую. А это самое великое освящение земли – кровь христианских мучеников. И сколько же пролито крови! Те сербы, которым сейчас только 40 лет – свидетели страданий двух миллионов сербских мучеников. А кто исчислит их от Косова и до 40-х годов нашего века, все эти миллионы. Через целые пять веков! Сколько же пролито крови! И святая вода, которой священник окропляет людей, дома, нивы, виноградники, пчельники, стада – и эта вода освящает. И это не считая крови святых Божиих людей. И это не считая крови! Не говоря уже о слезах, молитвах и плаче. Потому-то сербы могут свободно и с полным правом называть свою землю святой. Святая Сербия.

И нужно помнить, и детей своих учить тому, что нет ничего сильнее святости. Святую землю не может одолеть ни безбожие, ни ложь, ни насилие, ни грубость завоевателей, никакая другая привременная и не святая сила. Святую землю хранит Сам Бог Своей мощью и Своим благословением. Ее невозможно одолеть. И чем больше мученичества, тем более она крепка. И пусть радуется всякий серб, а теперь более, чем когда-

либо, что его отчизна – святая земля. Святая Сербия! И пусть знает и помнит, чтобы не осквернить эту святыню, чтобы прибавить к ней, а не отнять от нее.

Примечания

- ¹ - Доска, по которой бьют колотушкой – Прим. пер.
- ² - Призыв к вечерней молитве – Прим. пер.
- ³ - Великий монах – Прим. пер.
- ⁴ - полицейский чиновник – Прим. пер.
- ⁵ - тур. – рай – Прим. пер.

Содержание

Кассиана святитель Николай Сербский	1
Глава 1. Горбатая Юлия	2
Глава 2. Каллистрат	6
Глава 3. Дни и перемены	9
Глава 4. Кассиана	13
Глава 5. В монастырских стенах	17
Глава 6. Сто слов о Божественной любви	19
Глава 7. Все тайное становится явным	44
Святая Сербия	47
Примечания	49